

ПАВЕЛ ГЕРАСИМОВ

ИМПЕРИЯ ДРУГОГО ВЕКА

Альтернативная история России и мира

◆ 1905 – 2005 ◆

Павел Герасимов

Империя другого века

«Автор»

2026

Герасимов П.

Империя другого века / П. Герасимов — «Автор», 2026

Что, если бы Николай II прислушался к Витте, Россия избежала войны с Японией, а реформы получили время изменить страну? «Империя другого века» — роман об альтернативных ста годах российской и мировой истории. С 1905 по 2005 год империя проходит путь от самодержавия к парламентской монархии, переживает войны и экономические потрясения, строит заводы и университеты, осваивает космос. Каждое достижение рождает новые противоречия, а за государственными решениями стоят судьбы конкретных людей. Четыре семьи — чиновника, инженера, рабочего и японского дипломата — оказываются связаны дружбой, любовью, общим делом и памятью. Их потомкам предстоит разобраться в наследстве века, где рядом с успехами сохранились ошибки, несправедливость и тайны. Это история России, которая могла сложиться иначе. И людей, которым даже в изменившемся мире приходится самим выбирать, чему верить, кого любить и за что отвечать.

© Герасимов П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Глава вторая	13
Глава третья	17
Глава четвёртая	20
Глава пятая	24
Глава шестая	28
Глава седьмая	32
Глава восьмая	36
Глава девятая	40
Глава десятая	44
Глава одиннадцатая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Павел Герасимов

Империя другого века

Пролог

На последнем листе не было ни одной цифры. Сергей Юльевич перелистал записку обратно, словно надеялся, что расходы затерялись между перечислением русских интересов и рассуждениями о твёрдости. Перед ним лежало предложение, по которому империя должна была проявить эту твёрдость за несколько тысяч вёрст от своих главных заводов, не располагая ещё дорогой, способной исправно кормить такую решимость.

За окном царскосельского кабинета садовник стаскивал с дорожки мокрые листья. Витте наблюдал за ним с неожиданной завистью. У садовника были грабли, дорожка и ясное представление о том, где кончается его работа.

— Вы опять начинаете со стоимости, — сказал Николай.

— Кто-нибудь должен ею закончить, ваше величество. Лучше начать сейчас.

Государь сидел за письменным столом. Записку ему подали утром; с её автором он говорил накануне. Автор был уверен, что Япония отступит, если увидит отсутствие колебаний. Витте не был уверен даже в том, что в Петербурге одинаково понимают слово «отступит».

— Если мы уступим в Корее, чего от нас потребуют завтра?

— Если начнём войну, завтра будут требовать людей, послезавтра — денег, затем опять людей. Корейский вопрос от этого может не разрешиться.

Николай поморщился. Он не любил, когда разговор превращали в задачу с заранее известным ответом. Особенно если ответ подразумевал, что прежде он слушал не тех людей.

— Вы находите положение безнадёжным?

— Нет. Я нахожу его пригодным для переговоров.

Витте достал другую карту. На ней не было цветных стрелок наступления. Были станции, разъезды, мосты и цифры провозной способности. На одном участке он задержал палец. Любая военная карта обещала государю пространство; эта предлагала часы ожидания на запасном пути.

Война казалась некоторым людям способом разрешить сразу несколько неудобств. Она должна была заставить замолчать недовольных, укрепить престиж короны и доказать, что Россия способна довести свою волю до Тихого океана. В расчётах этих не было умысла разорить страну. Их составляли люди, привыкшие считать пространство владением, а уступку — началом распада. Они искренне боялись, что осторожность сегодня придётся оплачивать унижением завтра.

Сергей Юльевич боялся иного: что унижение удастся приобрести по цене победы.

— Мне говорят, японцы не могут долго содержать армию, — произнёс государь.

— Тогда у нас есть предмет для соглашения. Им тоже нужна определённая.

— Вы полагаете, они нам поверят?

— Нет. Полагаю, они захотят проверить, соответствует ли сказанное приказам на местах. Это было самое неприятное место разговора. Николай поднял глаза.

В последние месяцы русская политика на Дальнем Востоке состояла из нескольких политик, каждая из которых имела покровителя. Дипломаты передавали заверения. Военные просили не стеснять их необходимыми приготовлениями. Предприниматели описывали свои предприятия как государственную необходимость, а государственные расходы — как временное пособие предприимчивости. Каждый отдельный шаг выглядел ограниченным. Вместе они прокладывали дорогу туда, куда никто не признавался, что собирается идти.

— Полномочия на переговоры, — сказал Витте, — должны означать и возможность остановить действия, которые их делают бессмысленными.

— Всех остановить вы не можете.

— Поэтому я пришёл к вам.

Некоторое время слышались только часы. За дверью передвинули стул. Николай посмотрел на портрет отца, затем снова на карту, которой не нашлось бы места в парадном атласе.

Он не сделался в это утро другим человеком. Самодержавие оставалось для него обязанностью перед Богом и родом, а сомнение в его необходимости — сомнением в самой основе службы. Он по-прежнему хотел, чтобы его любили без посредников, и плохо понимал, почему доверие к министрам должно ограничивать свободу государя. Но перед ним находился человек, неприятный своей уверенностью и полезный способностью видеть то, чего не показывали доклады об успехах.

— Подготовьте проект, — сказал он.

Витте не двинулся.

— Проект переговоров, Сергей Юльевич. Не проект переустройства государства.

— Для первого понадобится распоряжение, обязательное для всех участвующих ведомств.

Государь взял перо, потом положил его.

— Вы привезёте мне мир?

Слишком удобный вопрос. На него следовало ответить уверенно; при дворе уверенность часто заменяла полномочия и переживала провал.

— Привезу договор, если другая сторона согласится. Мир придётся поддерживать после подписания.

Николай ещё раз посмотрел на него и придвинул чистый лист.

В тот день не прозвучало ни одной фразы, которую потом можно было бы без смущения высечь на камне. Распоряжение получилось канцелярским. В нём перечислялись ведомства, порядок согласования решений и обязанность представлять сведения одному уполномоченному. Будущие школьные книги отвели этому документу несколько строк. Его действительное содержание заключалось в том, что несколько влиятельных людей впервые получили письменный запрет действовать от имени России каждый по собственному разумению.

Копию распоряжения привезли в министерство поздно вечером. Младший чиновник Александр Ланской принял пакет вместо заболевшего начальника отделения и расписался, стараясь не показать, что различил на конверте особую помету.

Ему было двадцать семь лет. Он успел составить себе довольно стройное представление о службе: начальство распоряжается, подчинённые готовят бумаги, а разумный человек старается, чтобы написанное не слишком расходилось с исполненным. До сих пор расхождение представлялось ему досадной помехой. В тот вечер он впервые увидел, что оно может быть самым способом управления.

Витте вызвал его через полчаса.

— Кто сводил таблицы по перевозкам?

— Я, ваше высокопревосходительство.

— Здесь в приложении другая цифра.

Ланской подошёл. Цифра действительно была другой. Начальник исправил её накануне: реальная пропускная способность выглядела слишком скромно рядом с уже объявленными возможностями.

— Это проектная, — сказал Александр.

— А почему не написано?

Он мог сослаться на начальника. Мог сказать, что предполагалось завершение работ. Вместо этого достал карандаш и провёл под строкой короткую черту.

— Потому что действительная ухудшает заключение.

Витте поднял голову.

— Заключение от неё не ухудшается. Ухудшается положение.

Ланской стоял, чувствуя, как разогреваются уши.

— Переделайте. Сроки завершения отдельно. И сохраните прежний экземпляр.

— Для дела?

— Для памяти.

Переговоры тянулись всю зиму. В Петербурге каждый слух об их неудаче принимали за доказательство бессмысленности уступок; каждый слух об успехе — за доказательство их чрезмерности. Японские газеты писали о русской медлительности. Русские газеты, допущенные к нужным сведениям, писали о японской самонадеянности. Между этими публичными уверенностями лежали ночные разговоры о том, сколько именно солдат может оставаться у железной дороги и кто определит, что считается охраной, а что — армией.

Хироси Такахаси, секретарь японской делегации, впервые увидел Ланского в гостиничном коридоре. Русский нёс кипу карт и придерживал подбородком верхнюю, сворачивавшуюся в трубку. Такахаси помог ему открыть дверь.

— У вас очень большая страна, — сказал он по-французски.

— Сегодня утром была ещё больше. Одну карту потеряли.

Они рассмеялись с осторожностью людей, которым предстояло потом записать, что именно говорил собеседник.

Такахаси не считал себя противником войны. Он считал себя человеком, которому положено получить для своей страны достаточно безопасности, чтобы война не стала единственным объяснимым выбором. Россия могла превратить соглашение в передышку перед новым нажимом. Япония могла принять признание своих интересов за разрешение распоряжаться соседями. В договоре не было пункта, способного навсегда исправить обе возможности.

Самым трудным оказалось не начертить границы допускаемых действий, а придумать способ устанавливать нарушение раньше, чем оно станет поводом стрелять. Комиссии и сроки уведомления выглядели мелкими рядом с историческими притязаниями. Именно над ними спорили до рассвета.

В последнюю ночь Такахаси принёс замечание к французскому тексту. Русское выражение позволяло считать одно обязательство временным; японское — постоянным. Переводчики предлагали оставить дипломатическую неопределённость.

— Через пять лет, — сказал Ланской, — ваши преемники прочтут одну версию, наши — другую.

— Возможно, через пять месяцев.

Они разбудили юристов.

Весной соглашение подписали. Россия принимала ограничения своего военного присутствия в Маньчжурии и график его сокращения; Япония получала признание преимущественных интересов в Корее, но не безусловное русское согласие на любое последующее действие. Железнодорожные и торговые права отделяли от права вводить новые войска. Китайское правительство соглашение между двумя соседями не превращало в добровольный отказ от собственных прав. Этот пробел остался на карте, и Такахаси обвёл его в своей записной книжке.

Ни один из участников не получил всего. Витте считал это одним из немногих хороших признаков.

В тамбовской деревне, куда известие дошло через волостного писаря, Семён Морозов спросил, означает ли договор, что его старшего сына не заберут.

— По этому случаю не заберут, — ответил писарь.

Семён выслушал его, не снимая шапки. Потом спросил о недоимке. Писарь показал на другую пачку бумаг.

Наутро семья вышла сеять. Война, которой не случилось, не прибавила земли к их полям и не исправила худую лошадь. Только восемнадцатилетний Павел остался рядом с отцом. Его присутствие не вошло ни в одно финансовое приложение.

Ланской сохранил обе таблицы. Первую, красивую, он положил под вторую, с исправленной цифрой. Когда пакет зашили в дело, никто не предполагал, что через сто лет его прапра-внучка будет добиваться рассекречивания других бумаг из того же шкафа.

Глава первая

Январь без войны

Павел Морозов узнал о петербургской забастовке из письма двоюродного брата. Письмо было исписано чужой рукой, а внизу стоял знакомый неровный крестик. В столице брат научился разбирать вывески и называть сложные части станков, но до собственной подписи ещё не добрался.

На завод, где он работал, приходили люди из других мастерских. Говорили о штрафах, продолжительности рабочего дня и праве избирать своих ходоков. О государе говорили по-разному. Один утверждал, что тот ничего не знает; другой спрашивал, как это может быть, если знать всё — его обязанность. Брат просил прислать тёплые портянки и узнать, не понадобится ли летом ещё один работник в хозяйстве. Из этого Семён заключил, что дело в Петербурге серьёзное.

Письмо читала дочь, Анна. Она закончила сельскую школу и теперь учила младших за столом, который отец сам сколотил из досок, оставшихся после починки амбара. Семён дослушал, отодвинул плошку и спросил:

— Чего бастуют, раз войны нет?

— А им оттого рабочий день не убавили, — сказала Анна.

Он хотел ответить, но не нашёл слов, которые не прозвучали бы признанием её правоты.

К зиме 1905 года отсутствие войны уже стало предметом взаимных претензий. Одни считали, что страна получила передышку и должна воспользоваться ею для наведения порядка. Другие объясняли, что порядок наконец можно обсуждать без обвинения в помощи внешнему врагу. Избежав чрезвычайного военного напряжения, государство не избавилось от причин, по которым напряжение становилось опасным: малоземелья, фабричной тесноты, бесправия и привычки начальства принимать жалобу за вызов.

В министерстве Ланскому поручили свести требования рабочих в записку. Александр работал над ней три вечера и на четвёртый обнаружил, что всё время переводил с русского на русский. «Выборные от мастерских» становились «самочинным представительством», «уволенные товарищи» — «лицами, устранёнными по производственной необходимости». В записке исчезала даже возможность предположить, что увольнение было несправедливым.

Он перечеркнул страницу.

Начальник отделения посмотрел на исправления и покрутил карандаш.

— Вы полагаете, Сергей Юльевич не знает, что на заводах бывает?

— Полагаю, он просил написать, чего они требуют.

— А вы написали так, будто согласны.

Это был новый для Ланского вопрос: возможно ли точно изложить чужую просьбу, не присоединившись к просителям? Он ответил, что цифры продолжительности смены от его согласия не зависят. Начальник сдал записку без подписи составителя.

В городе ожидали шествия. Одни уверяли, что оно будет мирным, другие уже перечисляли оружие, которое якобы готовят участники. Слухи приобретали подробность, недоступную установленным фактам. Ланской слышал, как в одном кабинете число предполагаемых участников выросло втрое за двадцать минут: каждый докладывавший прибавлял запас на серьёзность.

Витте получил две бумаги. В первой говорилось о необходимости предупредить беспорядки. Во второй — о том, что задержание выборных сделает остановку предприятий неизбежной. Обе бумаги предлагали действовать немедленно. Обе умалчивали, что случится утром после принятия предложенных мер.

Совещание началось поздно. Представитель полиции говорил, не снимая перчаток. Он подчёркивал, что не может отвечать за последствия, если толпе позволят приблизиться к правительственным зданиям.

— А за последствия отказа кто отвечает? — спросил Витте.

— Это зависит от поведения толпы.

— Значит, никто.

Чиновник МВД заметил, что установление прямых переговоров создаст опасный пример. Впервые за вечер Витте не стал ему возражать.

— Создаст. Поэтому нужно решить, какой пример нам дешевле.

Слова прозвучали грубо. Ланской, сидевший с протоколом у стены, увидел, как один из присутствующих поджал губы. Разговор о человеческих жизнях на языке издержек казался бесчувственным. При этом собравшимся было значительно легче обсуждать полки, чем людей, которых эти полки могли убить.

Решение получилось ненадёжным компромиссом. Массовое шествие к дворцу запрещалось. Выборным предлагали явиться в заранее объявленное помещение с письменными требованиями. Полиция получала приказ не задерживать представителей по дороге. Войскам определяли рубежи, за которые нельзя было пропускать толпу; применение огня требовало особого распоряжения, кроме непосредственного вооружённого нападения.

Ланской трижды перечитал последнюю оговорку. Она могла означать спасение караула, а могла — любой камень, брошенный человеком, которого никто не опознает.

— Здесь необходим ответственный по каждому участку, — сказал он секретарю.

— Разумеется, будет начальство.

— По фамилии.

Его раздражение сочли молодостью. Но фамилии в конце концов вписали.

Утро не стало мирным оттого, что ночью составили более аккуратную бумагу. У одной заставы конные полицейские врезались в людей, не услышав или не пожелав услышать предупреждение пешего офицера. Рабочий получил сабельный удар по руке. В другой части города разбили окно булочной; солдаты задержали двоих, третий убежал. На мосту несколько минут казалось, что солдатская цепь сомкнётся с толпой и всё закончится давкой.

Двоюродный брат Павла, Егор, находился именно там. Он плохо видел поверх чужих шапок. Его толкнули сзади; впереди кто-то закричал, что войска заряжают. Егор присел, сам не понимая зачем, и почувствовал под ладонью потерянную варежку.

Потом офицер с хриплым голосом велел отойти к перилам, оставив проход. Приказ пришлось повторить много раз. Никто не доверял человеку, который стоял по другую сторону ружей. Но сзади уже передавали, что выборных пропустили.

Варежку Егор сунул за пазуху. Вернуть её было некому.

Представителей рабочих приняли не во дворце. Для части собравшихся это само по себе означало обман. Избранный от токарей мужчина, назвавшийся Василием Петровичем, вошёл в зал с красными от холода руками и отказался снимать пальто. Витте не попросил второй раз.

Первые требования читали торжественно. Затем один из выборных сбился, потому что между пунктами о свободе печати и улучшении быта оказался рассказ об увечье ученика. Секретарь хотел перенести его в приложение.

— Оставьте, — сказал Витте.

Он не обещал принять всё. Раздражался, когда собеседники возвращались к уже разобранному вопросу. Несколько раз говорил языком, который понимали только чиновники; тогда Василий Петрович просил объяснить проще. К концу второго часа министр заметил, что просьба эта звучит без подобострастия.

Соглашения не получилось. Получился протокол разногласий, обязательство расследовать отдельные увольнения и назначенный день следующей встречи. Выборные настояли, чтобы им выдали копию.

Ланской держал лист перед Василием Петровичем, пока тот выводил подпись.

— Вы всё это напечатаете? — спросил рабочий.

— Передадим редакциям сообщение.

— Не сообщение. Это.

Он постучал пальцем по листу. Александр впервые подумал, что публичность может быть практическим требованием человека, у которого нет знакомых в канцелярии.

Вечером город спорил, кто уступил. Радикальная листовка называла переговоры способом украсть у рабочих их решимость. Одна консервативная газета увидела начало управления страной через уличные сборища. Хозяин предприятия, с которого началась стачка, писал в правление, что правительство нарушило его право распоряжаться собственным производством. Трёхсторонняя комиссия в его представлении означала, что теперь о каждой уволенной паре рук придётся объясняться перед людьми, не вложившими в завод ни копейки.

В этом возражении была сила, которую Ланскому предстояло понять позже. Завод не мог работать так, будто всякий спор о смене был государственным кризисом. Но и государство не могло сохранять порядок, заранее признавая любую заводскую власть справедливой.

Через неделю умер человек, раненный у заставы. Ещё двое оставались в больнице. В сводке полиции число пострадавших было меньше, чем в списках благотворительного общества. Спор о перечне фамилий занял больше времени, чем составление первоначального приказа.

Николай получил доклад о переговорах в тот день, когда в семье снова обсуждали здоровье наследника. Между тревогой за ребёнка и требованиями незнакомых людей не существовало прямой связи, но государь переживал их одним утомлённым существом. Ему хотелось оставить государственные бумаги за дверью, посидеть рядом с женой и услышать, что сегодня опасность миновала.

Витте говорил о положении фабрик. Николай слушал, затем спросил:

— Теперь они будут приходить всякий раз?

— Если будет место, куда можно обратиться, им незачем будет идти всем сразу.

— Вы предлагаете им учреждение.

— Пока предлагаю порядок рассмотрения жалоб.

Император уловил то, что министр старался провести под видом технического решения. Постоянный порядок делал посредников законными. Однажды они могли решить, что вправе представлять не только мастерскую.

— Государь не может торговаться с подданными.

— Торгуются сегодня хозяева заводов, полицейские начальники и выборные. Без установленных правил. Вы можете оставить это так.

Николай попросил проекты. Аудиенция закончилась без согласия. Выйдя, Витте долго искал в кармане платок и сердился на лакея, который слишком быстро распахнул дверь.

Позже любители простой истории объясняли январские события исключительно волей спасительного министра. Это было удобно всем, кроме людей, пытавшихся понять, почему приказ сработал в одном месте и едва не погубил десятки человек в другом. В распоряжении министра не было власти над случайностью. У него было несколько дней, настойчивость и возможность заставить ведомства говорить друг с другом до того, как они начнут оправдываться.

Той весной рабочие общества ещё не стали свободными союзами. За их заседаниями наблюдали. Некоторым представителям отказывали в найме. Жалобы лежали неделями, а на предприятиях поменьше хозяева просто закрывали ворота. Всё это происходило в той же стране, где избежали большой стрельбы и начали выдавать рабочим копии протоколов.

Егор написал домой сам. Буквы вышли огромные, некоторые слова — без окончаний. Он сообщал, что его не уволили, что раненный товарищ умер и что теперь у них есть человек, который хранит бумаги. Между этими известиями он не поставил никакого объяснения.

Анна прочитала письмо дважды. Павел попросил показать слово «выборный» и обвёл его пальцем, не касаясь бумаги.

Вечером отец достал мешочек с деньгами. Весной следовало расплатиться за зерно, поправить упряжь и вернуть соседу долг, который тот уже дважды напоминал. Отправить Павла на заработки значило потерять работника перед самым тяжёлым временем. Оставить его — делить ожидаемый урожай ещё на одного взрослого, которому не хватало земли для собственного дома.

— К Пасхе ответим, — сказал Семён.

Но Павел уже знал, что уедет. Не потому, что поверил в особенную справедливость Петербурга. Письмо брата обещало тяжёлую работу, дорогую комнату и возможность умереть на улице, не успев понять, кто отдал приказ. Только дома всё предстоящее он мог перечислить заранее. В городе оставалось что-то, чему он пока не знал названия.

Анна сложила письмо и спрятала между страницами школьной книги.

— Научись сначала писать, — сказала она.

Он хотел отмахнуться, но сестра подвинула к нему карандаш. За стеной отец пересчитывал монеты, ударяя ими о стол. Павел вывел своё имя, испортил букву и начал снова.

Глава вторая

Право подписать

Николай Белов покупал свой первый токарный станок зимой и ещё три года помнил, как тот пах на морозе. Запах шёл не от металла, а от смазки, пропитанной древесиной ящика и мокрой пакли. Станок стоил больше, чем дом его отца. За доставку потребовали доплату, не предусмотренную договором. Николай заплатил, потому что рассуждение о правоте не могло снять ящик с платформы.

К весне 1905 года у него было небольшое механическое заведение на окраине Петербурга, два десятка работников и кредит, который превращал каждый месяц в испытание арифметики. Главным заказчиком была железная дорога. Самым опасным должником — подрядчик, поставлявший ей изделия через цепочку посредников. Белов знал, что в конечном счёте деньги государственные; неизвестным оставалось, на каком именно участке они перестали двигаться.

Отец Николая работал на дороге мастером. Он хотел для сына прочной службы, жалования и права не просить расчёта. Сын выбрал предприятие, чем привёл его в тревогу, которую старик считал нравственным осуждением.

— Инженер отвечает за вещь, — говорил отец. — Купец за чужое обещание.

Теперь Николай отвечал и за вещь, и за обещание.

В конторе его ждал человек с грязным полотняным мешком. Он назвался Морозовым и подал записку от Егора, которого Белов помнил по соседнему заводу. Просил взять на работу, соглашался на чернорабочую.

— Что умеешь?

— Пахать.

— Здесь не пригодится.

Павел молчал.

— Считать умеешь?

— До скольких?

Белов посмотрел на него внимательнее и вдруг улыбнулся.

Новому работнику отвели место у склада. Он должен был подавать заготовки, выносить стружку и слушаться старшего токаря Моисея Левина. Тот был человеком сухим, с одним неподвижным пальцем и нетерпимостью к объяснениям после ошибки. Первым делом он велел убрать свободный конец шарфа.

— Станок тебя познакомит с собой один раз. Потом будешь вспоминать.

Павел снял шарф и с тех пор не любил, когда кто-нибудь называл городскую работу лёгкой.

В первые недели он не понимал, зачем измерять предмет, который и так выглядит одинаковым с другим. Левин показал ему две втулки и предложил вставить в них вал. В одну вал вошёл, в другой застрял.

— Глаз у тебя хороший, — сказал мастер. — Дорого обойдётся.

Дома Павел умел на ощупь определять землю, вовремя заметить хромоту лошади и поправить оглоблю без чертежа. Здесь опыт не исчезал, но его следовало учить новым словам. Десятая доля миллиметра оказалась вещью, которая существует вполне независимо от того, верит ли в неё человек.

Белов наблюдал за его работой, не подавая вида. Ему нравились люди, не пытавшиеся скрыть незнание разговором. Но нравиться работник мог сколько угодно; к субботе всё равно требовалось выдать деньги.

Когда просрочка подрядчика перешла во второй месяц, Николай поехал в министерство. Ланского он застал над таблицей жалоб. Тот сначала предложил обращаться по ведомственной принадлежности, затем узнал фамилию в приложенном договоре и попросил подождать.

— У вас спор с частным лицом.

— У меня работа для казны. Частное лицо подписало акт, получило платёж и не рассчитывается.

— Вы можете подать иск.

— Могу. Он тоже может подать возражения. Потом наступит следующая суббота.

Александр предложил ему сесть.

Вскоре выяснилось, что подрядчик обещал исполнить заказ дешевле большинства конкурентов, рассчитывая получить послабления после заключения договора. Послаблений ему не дали; срок уже истекал. Он экономил на платежах мелким поставщикам и уверял знакомого чиновника, что попытка привлечь его к ответственности сорвёт государственную поставку.

Так частная задолженность стала государственной угрозой — ровно в том месте, где следовало закончиться терпению кредиторов.

Ланской не мог распоряжаться чужими расчётами. Он мог потребовать документы о выполнении казённого заказа и выяснить, почему акты приёмки не соответствуют отчёту. Белов понял разницу не сразу.

— То есть вы мне не поможете?

— Я не могу приказать заплатить вам без разбирательства.

— А ему без разбирательства заплатили.

Александр отложил ручку. Он вспомнил, как сам менял слова в рабочей петиции, чтобы жалоба выглядела менее убедительной.

— Оставьте копии.

Тем временем в верхних кабинетах обсуждали представительство страны. Слово «Дума» произносили уже достаточно часто, чтобы каждый собеседник слышал в нём своё учреждение. Для земского деятеля это была возможность распоряжаться налогами. Для университетского профессора — начало ответственного правления. Для части сановников — способ выслушать общество, не отдав ему права мешать.

Витте требовалось согласие на займы и преобразования, за которые невозможно было всякий раз платить личным доверием государя. Он не собирался одним движением построить парламентскую монархию. У него было больше доверия к исправной администрации, чем к собранию красноречивых людей. Но администрация не могла сама убедительно подтвердить, что нужды её ведомств совпадают с нуждами страны.

Первые проекты избирательного порядка были несправедливы, сложны и рассчитаны на то, что имущественные интересы удержат представителей от резких решений. Ланской переписывал их и думал о человеке, который не мог дожидаться оплаты за сделанные втулки. Белова следовало считать надёжным избирателем: собственность, образование, люди в найме. Что делать с теми, кто вытачивал эти втулки, проект объяснял значительно хуже.

На заседании комиссии Александр позволил себе спросить, каким образом рабочие должны признавать обязательность решений собрания, в которое почти не смогут попасть.

— Через признание закона, — ответил пожилой юрист.

— Их к этому и сейчас призывают.

После заседания юрист догнал его в коридоре.

— Вы думаете, я этого не понимаю? Если внесём всё сразу, не примут ничего.

Это был довод, которому предстояло сопровождать Ланского всю жизнь. Иногда он действительно спасал достижимое. Иногда позволял откладывать необходимое до тех пор, пока люди переставали ждать. В тот раз Александр не сумел определить, какой случай перед ним.

Вечером он пришёл к сестре. Елизавета работала в больнице и снимала две комнаты с другой женщиной-врачом. Отец называл её образ жизни временным и не уточнял, какого события ждёт для его прекращения.

Елизавета выслушала рассказ о будущих выборах, не переставая мыть руки.

— Значит, Николай Белов будет представлен. Его рабочий — почти не будет. А я?

— В первоначальном проекте нет.

— Моё жалованье вы облагаете вполне самостоятельно.

— Я не составляю этот пункт.

Она вытерла руки и посмотрела на него.

— Ты ведь пришёл не за тем, чтобы я сказала, какой ты разумный.

Он остался ужинать. У сестры была привычка задавать вопросы, на которые служба позволяла не отвечать только до тех пор, пока они оставались за её пределами.

Через три недели Белов получил часть денег. Остальную сумму подрядчик оспаривал. В ведомстве начали проверку, чиновника, принимавшего сомнительные акты, перевели на другую должность. Ни благодарности, ни извинения Николай не дождался. Он купил рабочим новый мерительный инструмент и впервые завёл отдельную папку с копиями исходящих писем.

Когда выяснилось, что Ланского спрашивают о знакомстве с владельцем мастерской, Белов сам пришёл дать объяснения.

— Вы можете испортить себе положение, — сказал Александр.

— У меня оно и так на чужом столе лежит.

Разбирательство закончилось взысканием с подрядчика, но слишком поздно для двух его поставщиков. Один закрыл мастерскую. Второй продал оборудование. Возвращённые деньги не вернули людей, разбредшихся искать работу.

Николай ездил на торги, где продавали чужие станки, и злился на себя за то, что видит в несчастье возможность расширения. Он купил один станок, почти такой же, как первый, только значительно дешевле. В конторе, подписывая бумаги, долго не поднимал глаз на прежнего владельца.

Павел получил прибавку после того, как научился подавать заготовку так, чтобы токарю не приходилось всякий раз останавливать работу. Деньги показались огромными до расчёта за койку, еду и сапоги. Домой он отправил остаток и написал, что всё хорошо.

Левин прочёл черновик и спросил:

— Для чего врёшь?

— Чтобы не беспокоились.

— Тогда напиши, что жив. Это правда.

Письмо вышло коротким. Анна позже хранила его всю жизнь.

Семён долго разглядывал присланные деньги. Они были заработаны сыном, которого он привык считать продолжением собственных рук. Теперь у этих рук появился отдельный расчёт. Отец радовался помощи и одновременно чувствовал обиду, которой стыдился.

К осени деревня обсуждала земельные проекты. В них обещали облегчить покупку участков и переход к другому порядку хозяйства. Писарь объяснял сроки с видом человека, знающего, что прежде их окончания могут измениться и закон, и цена. Больше всего Семёна тревожило право выйти из общины. Он сам нуждался в свободе распоряжаться трудом сына, но опасался, что уход сильных хозяйств оставит слабым худшую землю и прежние повинности.

В Петербурге то же право обсуждали иначе: как основание собственности, роста производства и кредита. Ланской прочёл земский отчёт о положении деревни и впервые ясно увидел, сколько непохожих действий скрывается за одним словом «реформа».

Оно означало межевщика, который может приехать через год. Судью, которому нельзя позвонить от имени помещика. Банк, умеющий отказать покупателю, даже если приобретение

земли объявлено государственной целью. Учителя, которому положено платить вовремя, иначе право читать останется в законе, а человек уедет торговать.

Витте вернул проект с пометой против одной особенно уверенной страницы: «Кто исполнит?»

Комиссия дописала перечень ведомств.

Он вернул снова: «На местах».

Тогда в проекте появились расходы, от которых прежде старались избавиться. Они делали реформу менее эффективной, зато давали ей хоть какой-нибудь шанс состояться.

Первое представительное собрание готовили в атмосфере неудовлетворённых ожиданий. Его будущие противники заранее считали уступку гибельной. Его будущие сторонники заранее считали её недостаточной. Государь читал отзывы и всё чаще спрашивал, почему нельзя остановиться на совещательной роли.

Витте отвечал, что учреждение, которому запрещено изменить решение, рано или поздно сделает главным предметом обсуждения сам этот запрет.

Александр записал ответ, потом вычеркнул: фразы не было в официальном протоколе. На полях своей тетради он оставил её без кавычек.

Елизавета, узнав о первых утверждённых правилах, сказала, что брату придётся ещё долго приходить к ней с объяснениями. Он согласился и сам удивился тому, что согласие не показалось поражением.

В мастерской Белова в это время выбирали представителей для разговора о расценках. Павел не выдвигался. Он всё ещё читал медленно и боялся, что запутается в чужих словах. Выбрали Левина и пожилого слесаря, у которого на иждивении было пятеро.

Николай принимал их в конторе, где сам недавно считал дни до платежа. Он хотел сказать, что они не понимают трудностей владельца. Потом увидел у Левина в руке записку с расчётом и предложил положить её на стол.

Договорились не обо всём. На следующий день работали. Через месяц спорили снова.

Глава третья

Межа

Анна встретила землемера у околицы. Она узнала его по кожаному футляру, хотя прежде никогда не видела инструмента внутри. Сопровождавший его помощник спросил дорогу к старосте, и девушка предложила проводить.

По пути землемер остановился перед лужей, обошёл её по огороду и спросил, давно ли здесь копали канаву. Анна сказала, что канаву собирались копать ещё при прежнем старосте. Он кивнул с такой готовностью, будто получил необходимую для работы дату.

Семён ждал их у правления вместе с другими хозяевами. На улице стояли люди, чья земля должна была измениться от движений чужого карандаша. Из города пришло достаточно хороших объяснений, чтобы каждый опасался: сосед понял их раньше и сумеет воспользоваться.

Новые правила не обязывали все дворы выходить из общины. Они открывали дорогу к закреплению участков и покупке земли на условиях, которые государство собиралось поддерживать кредитом. В правительственных записках предполагалось, что хозяин, уверенный в завтрашнем владении, станет улучшать почву и приобретать орудия. В деревне первым вопросом было, кто заплатит, если улучшенная почва окажется на участке, к которому больше нет проезда.

Землемер разложил план. Деревня сразу перестала быть знакомым местом. На листе не было ни камня, возле которого однажды испугалась лошадь, ни густой тени у оврага, где в полдень оставляли ребят. Полосы имели номера. Короткая пунктирная линия шла там, где Семён всю жизнь возил сено.

— Здесь нельзя, — сказал он.

— Почему?

— Здесь дорога.

— В документах нет.

Семён посмотрел на старосту. Староста отвёл глаза: дорога проходила через участок, на который рассчитывал его племянник.

Спор о свободе хозяйства начался с дороги, которую все знали и которой не существовало.

Анна принесла из дома старую тетрадь отца. В ней были записи о покосах и перевозках, не годившиеся для установления прав. Однако они подтверждали, что проездом пользовались задолго до того, как кому-нибудь понадобилось его отрицать.

Землемер не стал решать сам. Он внёс спор в акт и объяснил порядок обжалования. Это вызвало почти такое же недовольство, как если бы он сразу отдал дорогу племяннику. Люди ждали, что приехавшая власть рассудит. Вместо этого власть оставляла им новую работу.

По вечерам Анна переписывала заявления. Она перестала брать за это деньги после того, как две женщины пришли без мужей и начали объяснять, почему не могут заплатить. Тогда отец сказал, что бесплатная работа тоже обойдётся хозяйству. Девушка продолжала писать, но каждое утро сначала помогала по двору.

Крестьяне не делились на сторонников и противников перемен так, как делились авторы газетных статей. Один хозяин хотел закрепить землю и сохранить общинную помощь. Другой отказывался выходить, но требовал права продать лишнюю лошадь без семейного согласия. Третий охотно говорил о новом хозяйстве, пока не выяснилось, что банк потребует подтверждения дохода.

Семён тоже хотел несовместимого: чтобы взрослый сын оставался работником в доме и чтобы мог присылать заводское жалованье. Письма Павла перечитывал тайком, будто они содержали личное доказательство его собственного неверного решения.

В начале лета приехал банковский агент. У него были чистые сапоги и привычка снимать шапку перед разговором с женщинами. Он рассказал о продаже части соседнего имения, разложил расчёты платежей и назвал землю выгодной.

Анна спросила, какая часть подлежит затоплению.

Агент посмотрел на неё.

— С чего вы взяли?

— Весной там вода стоит.

— Мы говорим о площади участка в целом.

Землемер, вернувшийся для уточнения границ, на следующий день прошёл к реке. Вечером выяснилось, что пригодной пашни меньше, чем значилось в предложении, а дорога к ней пересекает чужие владения. Агент обещал уточнить условия.

Часть мужиков рассердилась на Анну. Им казалось, что она испортила покупку, которой ещё не было. Наиболее бедный из желавших приобрести землю сказал, что с такими вопросами никогда ничего не получишь.

Она заплакала только дома, когда мать оставила её одну у печи.

Банковская проверка снизила оценку. Агенту это грозило потерей вознаграждения, продавцу — менее выгодной сделкой, местным просителям — необходимостью начать заново. В Петербурге случай появился в отчёте как пример недостаточной предварительной подготовки операций. На месте он носил фамилии людей, которые перестали здороваться с Морозовыми.

Ланской получил жалобу на банковские условия в общей пачке. Под заявлением стояла подпись Анны. Фамилия напомнила ему рабочего у Белова; он спросил Николая, не родственники ли они. Тот обещал выяснить.

Так жизнь четырёх семейств соединялась не великим замыслом, а необходимостью разыскать адрес, проверить оценку, переслать бумагу человеку, который прочтёт её до того, как положить в шкаф.

Александр отправил запрос по установленному порядку и копию земскому деятелю, знакомому по комиссии. Писать частную записку было почти бесполезно: за одним исключением следовало бы второе. Ему хотелось, чтобы жалоба прошла тем же путём, которым могли пройти остальные.

Она прошла медленно.

Осенью спор о дороге дошёл до суда. Семён в первый раз надел сапоги, которые берегли для праздника, и сел рядом с человеком, с которым не разговаривал всё лето. Племянник старосты привёл свидетеля, утверждавшего, что проезд всегда разрешали по доброй воле. Двое других рассказали, как его чинили общим трудом.

Судья спросил о прежних распоряжениях. Их не нашли. Он перенёс разбирательство, распорядившись запросить материалы.

По дороге домой Семён сказал, что при старом порядке дорога хотя бы оставалась дорогой.

— Пока её не закрывали, — ответила Анна.

Он обругал её за спор и через полчаса попросил достать письмо Павла.

В письме сын сообщал, что учится вечером. За занятия надо платить, но Левин помогает с арифметикой. Отдельно писал: если понадобится на суд, пришлёт ещё. Семён велел отвечать, что не понадобится. Мать, когда он вышел, попросила написать правду.

Год спустя проезд признали необходимым и установили порядок пользования. Решение не сделало соседей друзьями. Оно позволило им избегать дружбы, не перекрывая друг другу путь к сену.

Землю из имения купили сообща несколько дворов. Семён взял небольшой участок, который мог обрабатывать вместе с младшим сыном. Платёж был посильным при хорошем урожае и тревожным при среднем. На случай плохого агент предлагал надеяться на будущие доходы. Анна настояла, чтобы в семейной тетради этот случай тоже посчитали.

Получилась сумма, которой у них не было.

От покупки они всё-таки не отказались. Иногда разумный расчёт означает не безопасность, а ясное знание того, чем рискуешь.

В правительстве тем временем учились различать землю и земельное решение. Право выхода без межевания провоцировало драки. Кредит без проверки превращал надежду в долг. Переселение без помощи на месте оставляло людей у станции с вещами, уже непригодными для возвращения. Реформу приходилось дополнять расходами, которые её противники называли доказательством первоначальной ошибки.

Витте распорядился представить сведения о неудачных переселениях отдельно. Два губернатора ответили благополучными итогами по губерниям. Один приложил фамильные списки. Именно его отчёт выглядел хуже остальных и именно по нему можно было что-нибудь исправить.

На докладе государь спросил, почему в этом месте так много неблагополучия. Витте ответил, что там его посчитали.

Чиновник, готовивший благополучные сводки, получил выговор за неполноту данных. Подчинённый исправил форму следующего отчёта. Достоверности прибавилось не сразу.

Анне предложили помогать при школе. Платили мало, положение было непрочным, а учительница прямо предупредила: если придёт назначенный помощник с нужным свидетельством, место придётся уступить. Семён не хотел соглашаться. Дочь становилась слишком нужной дома именно тогда, когда у неё впервые появилась возможность быть нужной ещё где-нибудь.

Она показала отцу расчёт: сколько теряет хозяйство и сколько сможет приносить. Он слушал с каменным лицом.

— Всё теперь считать станете.

— Ты сам меня учил.

На этот раз он не нашёл, за что рассердиться.

Поздно вечером Анна вышла к оврагу. Дорога была разбита колёсами. По ней можно было ехать, не спрашивая каждый раз позволения. В траве блестели маленькие лужи, одна из которых отражала свет из окна их дома.

Она думала, что расскажет детям о мерах длины. Начать можно было с поля, границы которого они знали, и закончить картой, на которой кто-то прежде мог не заметить дорогу. От этого карта становилась полезнее, чем висевшее в школе изображение далёких владений.

Через несколько дней из Петербурга пришла посылка. Павел прислал тетради, два карандаша и небольшую линейку. На обороте письма он нарисовал втулку в разрезе. Рядом подписал, зачем её измеряют изнутри.

Анна показала рисунок отцу.

— И что из неё делают?

— Не знаю. Спрошу.

Он подержал лист, повернул к свету. Сыновья жизнь становилась всё менее похожей на его собственную, но теперь хотя бы оставляла рисунки.

Глава четвёртая

Чужие деньги

Заседание бюджетной комиссии закончилось из-за керосина. В зале погасла одна лампа, затем вторая, и депутат от южной губернии заметил, что государственная экономия наконец коснулась самой себя. Секретарь пошёл искать служителя. Ланской остался у окна вместе с людьми, которым утром предстояло спорить, на сколько миллионов казна может увеличить расходы.

Собрание, открывшееся после долгих споров о полномочиях, обладало меньшими правами, чем требовали его самые деятельные участники, и большими, чем желала ему часть двора. Оно не назначало правительство. Монарх сохранял решающее положение, министры продолжали обращаться к нему поверх голов представителей, а избирательный порядок делал одни голоса значительно тяжелее других. Но при обсуждении новых налогов и ряда расходов чиновнику уже недостаточно было сказать, что вопрос рассмотрен надлежащим начальством.

Непривычнее всего оказалась обязанность возвращаться. В министерстве можно было отклонить записку и перейти к следующей. Здесь задававший вопрос человек оставался на своём месте, ждал ответа и напоминал, что вчера ответа не получил.

Витте раздражался сильнее многих. Он находил нелепым, что малосведущий оратор тратит двадцать минут на осуждение механизма займа, который не удосужился понять. Но когда чиновник предлагал вовсе не представлять комитету подробностей, Сергей Юльевич требовал подготовить подробности.

Ланской принёс таблицу расходов на профессиональные училища. Запрос оказался почти смешным на фоне сумм железнодорожного строительства. Комиссия всё равно задержала его на два часа. Хотели знать, почему два училища с одинаковым числом учеников обходятся по-разному, а учительские ставки в одном из городов остаются незанятыми.

— Потому что за это жалование там негде жить, — сказал Александр.

— Тогда почему в смете оно оставлено прежним?

Он посмотрел на строку, которую сам проверял накануне. Сумма была перенесена из прошлогоднего расчёта. У него нашлось объяснение, но не оправдание.

После заседания депутат предложил пройтись. Его звали Андрей Громов; до выборов он занимался земским хозяйством и приобрёл неприятную для министерств привычку сравнивать обещанные результаты с тем, что видел на дороге.

— Вы обижаетесь на вопросы, — сказал он.

— На некоторые.

— Это хорошо. Значит, ещё слышите разницу.

Ланской спросил, не считают ли в комиссии, что любой недочёт доказывает злой умысел правительства.

— Некоторые считают. Как некоторые у вас считают, что любой вопрос доказывает злой умысел спрашивающего.

Пошёл снег. Громов остановился у извозчика, поискал мелочь и отказался от поездки. Доходы депутата не успели за расходами на жизнь в столице. Александр запомнил это обстоятельство с таким удивлением, будто прежде представлял общественных деятелей обеспеченными самим правом выступать.

Громову принадлежал вопрос о платежах подрядчикам, из-за которого Ланскому ещё предстояла неприятность. Проверяя железнодорожный бюджет, депутат обнаружил несоответствие между отчётом о завершении работ и фактической сдачей оборудования. Фамилия

Белова оказалась в одном из приложений. Затем нашли акт, некогда исправленный по требованию начальства, и старую таблицу проектной пропускной способности.

Первая, красивая таблица не имела отношения к платежам. Но она показывала способ, которым желаемое попадало в документы раньше выполненного.

Ланского вызвали дать объяснения.

Он мог сослаться на то, что завышенное число не вошло в окончательную записку. Мог напомнить о распоряжении Витте сохранить первоначальный экземпляр. Вместо этого подробно рассказал, как получил исправление и почему не возразил сразу.

— Вы считали цифру неверной?

— Считал неверным отсутствие пояснения.

— Но подписали?

— Подготовил к подписи.

Запросили следующий документ.

Когда он вышел, коллега ждал в коридоре.

— Зачем вы сами сообщили о первом экземпляре? Они бы могли его не найти.

Александр не ответил. Он уже думал об этом и испытывал не благородное спокойствие, а желание вернуть утро назад.

Витте выслушал его коротко.

— Где копия ваших объяснений?

— Здесь.

Сергей Юльевич прочитал две страницы. На третьей задержался.

— Вы сделали правильно, что указали это.

Ланской почувствовал облегчение и тут же понял, что министр ещё не закончил.

— Но правильно сделали позже, чем следовало.

По итогам проверки начальник отделения получил взыскание. Ланскому указали на ненадлежащее оформление. Его перевод на более самостоятельную должность отложили. Газета, сочувствовавшая правительству, написала о придирках комиссии к служебным мелочам. Другая объявила дело раскрытием большой системы злоупотреблений и почти не заметила, что часть её громких подозрений документами не подтвердилась.

Справедливого общего рассказа из этого не получилось. Осталась полезная поправка: проектные и фактические показатели обязали представлять отдельно. Небольшое изменение пережило министра, комиссию и обе газеты.

Белов давал объяснения отдельно. Он принёс договоры, копии претензий и записку, в которой просил изменить порядок оплаты малых поставщиков. В комиссии его спросили, не станет ли это привилегией отдельной категории предпринимателей.

— Привилегия сейчас у того, кто держит наши деньги, — сказал Николай.

— Но риск неплатежа есть в любой торговле.

— Тогда пусть он остаётся торговым риском. Когда должник прикрывается угрозой остановить казённую поставку, у него уже государственная помощь.

Законодательного решения в тот день не приняли. Белов вышел сердитый, однако через полгода его предложение появилось в изменённом ведомственном порядке. Часть платежей привязали к подтверждённым этапам работ; основания для их задержки потребовали указывать письменно. Обходить новый порядок продолжали. Теперь хотя бы оставался след.

В мастерской тем временем спорили о представительстве рабочих. Левин требовал, чтобы выборных нельзя было увольнять сразу после жалобы. Белов согласился запретить увольнение именно за участие в переговорах, но отказывался признать безусловную неприкосновенность.

— Если человек брак гонит, я что, должен платить за то, что его избрали?

— А если вы брак придумаете?

Оба замолчали. Павел, сидевший у двери с записями, увидел, что справедливый ответ не всегда можно произнести сразу.

Составили условие о разборе спорного случая при участии третьего лица. Белов хотел доверенного инженера, рабочие — инспектора, которого можно вызвать без разрешения хозяина. Решение снова оказалось хуже пожеланий каждой стороны и лучше возможности просто хлопнуть дверью.

Елизавета присутствовала на открытом обсуждении больничных расходов. До этого она представляла себе парламентскую речь примерно как научный доклад, только менее точный. Теперь увидела, что депутат, потребовавший экономии на санитарном персонале, одновременно выступает за улучшение условий содержания больных.

Она отправила в комиссию расчёт: сколько времени уходит на уход за человеком, которого нельзя оставить одного, и сколько человек остаётся на одну сестру ночью. В сопроводительном письме попросила объяснить, за счёт каких часов предполагается выполнить обе задачи.

Александр узнал её почерк в приложении к запросу.

— Ты могла сначала показать мне, — сказал он вечером.

— А ты мог бы посоветовать отправить короче.

Он засмеялся. Затем заметил, что ей придётся терпеть чужие неумные возражения.

— Я их и без комиссии терплю.

Расходную строку исправили не полностью. Одна больница получила деньги на дополнительный ночной персонал. В другой сослались на отсутствие кандидатов. Елизавета настояла, чтобы незанятые места указывали в следующем отчёте отдельно от отсутствующих средств.

Такие требования казались чиновникам раздроблением государственной задачи на частные неудобства. Но именно частное неудобство чаще всего позволяло понять, где задача переставала существовать за пределами бумаги.

Государь постепенно узнавал это собрание по неприятным докладам. Газеты называли его деятельностью исторической, министры — утомительной, двор — опасной. Николай спрашивал, нельзя ли установить предел обсуждению уже принятых решений. Председатель правительства отвечал, что пределом служит закон, однако сам временами мечтал об ином ответе.

Однажды на докладе возник вопрос о расходах, связанных с двором. Николай посчитал его вторжением в то, что не должно зависеть от колебаний общественного мнения. Витте не предлагал выставлять семейную жизнь монарха на обозрение. Он предложил разделить личные средства и расходы короны от государственных обязательств, чтобы каждый спор о них не превращался в спор о верности престолу.

Согласие получили лишь на предварительное разграничение некоторых статей. По сравнению с будущим порядком это было немного. По сравнению со вчерашней невозможностью задать вопрос — достаточно, чтобы вызвать сильную неприязнь.

Ланской понимал, что чиновник, требующий ограничить произвол, легко начинает оправдывать собственное исключение необходимостью довести дело до конца. Он замечал это у начальства и с неудовольствием обнаруживал у себя. После истории с таблицей ему несколько раз хотелось просто не прикладывать документ, который мог вызвать новое обсуждение.

Он прикладывал. Иногда с задержкой.

На весеннем заседании вновь обсуждали училища. Депутат отдал ему исправленную смету.

— Теперь по этому городу можно считать.

— По остальным тоже.

— До остальных дойдём.

Александр вышел на улицу. В кармане лежало письмо Анны Морозовой: она сообщала, что устроилась при школе и хотела узнать, где приобрести несколько недорогих учебников. Внизу приписала, что спор о дороге решён.

Он купил книги сам, затем подумал и вложил в посылку адрес общества, у которого их могла бы заказывать школа. Частная помощь занимала меньше времени. Он всё ещё не научился предпочитать более долгий путь, но уже знал, зачем тот нужен.

Глава пятая

То что тяжелее воздуха

Впервые Николай увидел летательную машину в разобранном виде и потому не испытал положенного случаю восторга. Деревянные детали лежали на козлах, полотно ждали натянуть после устранения перекоса, у двигателя стоял человек с рукавами, закатанными выше локтя. По полу тянулось масляное пятно. Белов подумал, что мастерская будущего предстоит долго пахнуть так же, как его собственной.

Его пригласили обсудить изготовление деталей. Железнодорожные заказы давали более понятный заработок. Авиация требовала срочности, точности и готовности переделать вещь после того, как конструктор увидит её в работе. В этих условиях Николай узнавал собственную молодость, что внушало ему некоторую тревогу.

Игорь Сикорский говорил спокойно, показывая узел, к которому требовалась втулка. Белов спросил о допуске, затем о нагрузке.

— Проверяли?

— На прежней машине.

— А на этой?

Конструктор улыбнулся.

— На этой предстоит.

Николай не любил людей, отвечавших мечтой на вопрос о материале. Перед ним оказался другой случай: человек прекрасно понимал разницу между желанием и опытом и именно поэтому снова готовил испытание.

Павел, которого Белов взял с собой, рассматривал крепления. Он ждал машины, способной одним видом объяснить, почему она полетит. Вместо этого увидел устройство, уязвимое для любой плохо подогнанной части. Он знал, сколько раз в мастерской переделывают простейший заказ, и не мог представить, как можно сесть внутрь всей этой работы.

На обратном пути он спросил:

— Он сам полетит?

— Вероятно.

— Значит, верит.

— Значит, проверит.

Белов заказ принял. Потом пожалел, потом снова обрадовался. Обычный измерительный инструмент не позволял с требуемой уверенностью проверить часть размеров. Материал в одной партии вёл себя иначе, чем в другой. Изделия, которые на дороге сочли бы приемлемыми, здесь приходилось откладывать.

Левин считал работу полезной, но требовал отдельного учёта брака.

— Если всё прятать в общий расход, через полгода вы решите, что мы разучились работать.

Они завели тетрадь испытаний. Павел записывал, с какой заготовкой и после какой операции возникло отклонение. Сначала ему доверяли только цифры. Когда он перестал путать обозначения, стали оставлять и короткие пояснения. Он писал медленно, заменяя незнакомое слово рисунком.

Это оказалось началом работы, о существовании которой отец не мог бы догадаться: человек получал деньги за то, чтобы точно описать неудачу.

Заказ на детали не делал предприятие передовым. Белов по-прежнему торговался с поставщиком, следил за выдачей железа со склада и опасался потерять дорожный контракт.

Его жена Мария вела домашние расходы так, будто следующий месяц мог оказаться худшим; обычно она оказывалась ближе к истине, чем муж в дни новых замыслов.

Их дочь Вера просила взять её посмотреть самолёт.

— Там грязно.

— У вас в мастерской тоже.

— В мастерской ты всё знаешь.

Она заметила, что тем более стоит показать ей другое место. Николай пересказал разговор Ланскому. Тот посоветовал не спорить с человеком, пользующимся настолько простым доводом.

Вера увидела самолёт в день, когда испытание отменили. Подвела погода. До вечера просидела с тетрадью, срисовывая крепления. Мария потом спросила мужа, обязательно ли было ждать несколько часов.

— Она хотела увидеть, как полетит.

— И что увидела?

— Как ждут.

Когда машина всё-таки поднялась, Вера сначала следила за колёсами. Ей казалось, что доказательство произойдёт именно там: будет миг, когда между ними и землёй появится расстояние. Потом самолёт стал слишком мал, чтобы рассмотреть колёса, и она обнаружила, что держит отца за руку.

Рядом стоял человек с безукоризненно прямой спиной. Он смотрел в небо через стекло очков и записывал что-то в маленькую книжку. Ланской представил его позже.

Хироси Такахаси приехал по делам, связанным с торговыми соглашениями, и воспользовался приглашением посмотреть испытания. Он заметно постарел со времени первых переговоров. В его стране тоже учились строить и покупать самолёты, а военные старались заранее определить назначение всякой полезной новинки.

За ужином разговор перешёл к Дальнему Востоку. Белов спросил, расширится ли спрос на механические изделия. Такахаси ответил, что спрос растёт быстрее доверия.

— Вы десять лет договариваетесь, — сказал Николай.

— Поэтому иногда удаётся не начинать заново.

Ланской спросил о Китае. Японец некоторое время смотрел в бокал.

— Мы оба привыкли говорить о нём в предложениях, где действуют другие.

Он произнёс это с осторожностью дипломата, не желавшего превращать частный ужин в признание официальной позиции.

Соглашение с Россией уменьшило вероятность немедленной войны между двумя империями. Оно не разрешило противоречий вокруг Кореи и Маньчжурии. В Японии сторонники расширения влияния видели в достигнутой определённости удобный тыл. В России часть предпринимателей понимала сокращение войск как препятствие делу, которое они привыкли считать продолжением государственной политики. Китайские требования пересмотра иностранных преимуществ беспокоили обе стороны, хотя каждая предпочитала объяснять их влиянием третьей силы.

Такахаси получал письма от младшего брата, военного. Тот обвинял дипломатов в том, что они позволяют партнёрам подготавливать будущую угрозу под защитой собственных заверений. Под партнёрами в разных письмах подразумевались разные страны. В одном случае Россия, в другом — европейские державы, иногда — китайские чиновники, всё увереннее говорившие от имени собственного государства.

Сын Хироси, Кэндзи, спрашивал, означает ли договор, что русские теперь друзья. Отец ответил, что договор означает возможность спорить, продолжая торговать. Мальчику объяснение не понравилось.

В Петербурге Веру больше интересовал другой вопрос: где учатся рассчитывать крыло. Белов предложил сначала как следует освоить математику. Она принесла решённые задачи; в двух были ошибки, которые он отметил. Через неделю принесла снова.

Мария не возражала против обучения дочери. Её тревожило, что муж относится к будущему Веры как к технической задаче, где хороший расчёт сам по себе открывает дверь. Она знала несколько образованных женщин, вынужденных каждый год заново доказывать право на работу.

Елизавета Ланская подтвердила опасения.

— Учиться нужно всё равно, — сказала она Вере. — Только не думай, что отказ означает неправильное решение задачи.

Белов слушал, глядя на свою дочь. Он гораздо легче признавал несправедливость чужого запрета, чем замечал собственный, недавно выраженный заботой о грязных полах.

Крупные самолёты стали предметом государственной гордости ещё до того, как обеспечили устойчивый рынок. Витте, которому доложили об очередном успехе, попросил сведения о двигателях. Ему перечислили достоинства конструкции.

Он повторил вопрос.

Двигатели показали предел национального восторга. Сборка аппарата могла происходить дома, тогда как сложнейшие его части приходилось покупать за границей. Производство требовало станков, специального инструмента, материалов и людей, способных обеспечить одинаковость тысяч изделий. Показательный полёт нельзя было сразу превратить в серию, а серию — в надёжную службу.

В министерстве возник проект крупной субсидии. Белов, приглашённый на обсуждение как поставщик, сначала обрадовался. Затем увидел, что основную часть денег собираются передать одному предприятию под личное обязательство выполнить программу в срок.

— А если материал не получится? — спросил он.

— Предприятие отвечает за исполнение.

— Тогда оно будет отвечать бумагами, пока материал не получится.

Он предложил отдельно оплачивать испытания и отдельно принимать готовые изделия. Чиновник заметил, что государству нужны самолёты, а не сведения о неудачных попытках.

Сикорский, прежде молчавший, сказал:

— Сведения о неудачных попытках тоже нужны. Желательно до полёта.

Решение откладывали. Военные хотели скорости. Казначейство хотело заранее определённой цены. Конструкторы хотели права менять устройство, когда обнаружатся ошибки. Ни одно желание само по себе не было нелепым. Собранные вместе, они не помещались в первый проект договора.

Ланской работал над новой редакцией с молодым юристом. Тот предлагал включить расплывчатую оговорку об особой важности заказа. Александр зачеркнул её и попросил перечислить последствия: кто имеет право изменить срок, кто оплачивает испытание и кто останавливает поставку, если машина опасна.

Получилось длинное.

Через несколько месяцев в мастерской Белова сломался испытательный узел. Никто не пострадал; повреждение возникло на земле, под нагрузкой. Рабочий, изготовивший деталь, просил разрешить переделать её до приезда приёмщика. Белов сам первым делом подумал о том же. В конце месяца требовалось платить по кредиту, задержка грозила затронуть всё предприятие.

Павел стоял у стола с тетрадью.

— Здесь записать?

Николай посмотрел на сломанный металл.

— Записать.

Приёмщик затребовал проверку партии. Выплату задержали. Две недели хозяин ходил по мастерской с лицом, которое не поощряло разговоров. Левин однажды остановил его у склада.

— Вы не делайте вид, будто нам нравится ждать жалованья. Но если бы эта вещь сломалась наверху, тоже на нас смотрели бы.

Белов занял денег у родственника. Родственник потребовал процент и потом много лет считал это доказательством собственной веры в авиацию.

Дефект оказался связан с обработкой материала и повторился ещё на двух образцах. Изменили режим, провели новые испытания. В тетради Павла остались пятна масла, зачёркнутая первоначальная догадка и верная, появившаяся четырьмя днями позже.

Вере отец показал обе.

Она спросила, зачем сохранять неправильную.

— Чтобы снова не платить за то же знание.

Весной над полем снова поднялась машина. Люди на земле аплодировали, шапки взлетали, кто-то уже говорил о будущих воздушных дорогах через всю Россию. Белов стоял чуть поодаль и думал о партии металла, пришедшей накануне.

Сикорский после посадки первым делом выслушивал замечания. Вера поняла, что праздник для людей возле ограды и продолжение работы для человека у самолёта происходят в один и тот же час.

Много лет спустя ему ещё предстояло выбирать между выгодным предложением из-за океана и работой дома. Никакой закон не мог заранее решить этот выбор за него. Пока Россия предлагала достаточно причин остаться на следующий год: мастерские, учеников, заказчиков и возможность признавать ошибку, не заканчивая на этом карьеру. Каждый такой год зависел от множества людей, имена которых не помещались на борту самолёта.

Глава шестая

Подпись под приказом

Взрыв произошёл в четверть десятого, когда Павел проверял разметку на новой детали. Стекло в верхнем окне мастерской звякнуло, но не вылетело. Через несколько секунд на улице начали кричать. Левин велел остановить станок и отойти от ремня: человека, который не понял, что случилось, лучше было не оставлять рядом с движущейся машиной.

Первым прибежал мальчик со склада. Он уверял, что взорвали правительственную карету. Через пять минут карета превратилась в автомобиль, затем выяснилось, что у прохода к казённому учреждению бросили бомбу. Кто именно находился рядом, никто не знал.

Белов запер контору и пошёл к воротам. Извозчик вёз раненого; тот сидел боком, держась за шею. Кровь текла по пальцам с такой обыденной неторопливостью, что Николай только теперь испугался.

Погибли трое. Один служил в охране, другая оказалась женщиной, пришедшей по своему делу, третьим был курьер. Чиновник, против которого готовили покушение, получил ранение. Исполнитель погиб на месте. Уже к вечеру несколько газет напечатали его имя, хотя следствие ещё проверяло документы.

Ланской узнал о взрыве по телефону. Его вызвали в больницу, где работала сестра. Она просила не помощи по службе, а чистого белья из дома: запас закончился раньше, чем привезли новых раненых.

Он пришёл с узлом, и в коридоре на него закричала женщина. Приняла за человека, который может сказать, где её муж. Александр несколько раз повторил, что не знает. Потом понял, что ей не нужен именно его ответ: она спрашивала у всякого, кто выходил из дверей.

Елизавета взяла бельё и сказала прийти позже. Он хотел узнать, сколько погибло. Она ответила:

— Пока не все.

На следующее утро министрам представили проект чрезвычайных мер. Он предлагал расширить право задержания, закрывать подозрительные общества и ограничить публикации, способные возбуждать общественное недовольство. В список предполагаемых источников опасности попали рабочие объединения, студенческие кружки и несколько редакций. Перечень составляли по старым сведениям, которые теперь обрели новую убедительность.

Витте читал документ молча. Он был утомлён и выглядел старше, чем за месяц до этого. Покушение укрепляло людей, давно объяснявших ему, что переговоры воспитывают дерзость. Ответить им было трудно ещё и потому, что часть подпольщиков действительно считала уступки более опасными, чем репрессии: уступки лишали насилие очевидного оправдания.

— Виновных надо найти, — сказал государь на совещании.

Присутствующие согласились. Затем начался спор о том, сколько людей для этого позволено задержать.

Николай был потрясён гибелью случайных прохожих. В его представлении нерешительность власти непосредственно продлевала опасность для тех, кто служит и живёт честно. Просьба о дополнительных полномочиях отвечала этому чувству значительно яснее, чем рассуждение о процессуальных границах.

Председатель правительства не отрицал необходимости усилить следствие. Он возражал против бессрочного порядка, в котором основание задержания можно не предъявлять никому вне полиции.

— Мы теряем время, — сказал министр внутренних дел.

— Сколько времени вам нужно?

— До устранения угрозы.

Витте поднял глаза. Почти каждое чрезвычайное полномочие просило у государства именно такой срок.

Одним из первых задержали человека, который дважды приходил в мастерскую Белова. Он собирал деньги на помощь уволенным, продавал небольшую рабочую газету и однажды поссорился с Левиным. Его записная книжка содержала несколько десятков фамилий, адрес мастерской и имя Павла Морозова.

Павла забрали вечером у жилья. Комната, за которую он платил вместе с тремя другими рабочими, ещё хранила дневную духоту. Он успел снять один сапог и не понял, позволят ли надеть второй. Полицейский велел взять оба и следовать.

В участке спрашивали о встречах, суммах, разговорах и людях, которых он не знал. Павел ответил, что деньги сдавал на семью слесаря. Его попросили объяснить, почему фамилия слесаря не обозначена рядом с суммой.

Он не знал. Бухгалтерии помощи никогда не видел.

Вопрос задали снова.

К утру он начал сомневаться, правильно ли запомнил человека, получившего деньги. Это сомнение записали как изменение показаний.

Белов узнал о задержании от Левина. Первым его движением было раздражение: именно на этой неделе требовалось закончить заказ, а Морозов обещал не пропускать смены. Потом Николай осознал, что думает об этом прежде, чем о самом работнике.

Он поехал к Ланскому.

— Узнайте, где он.

— Это можно через защитника.

— Мне сейчас нужен человек, который ответит.

Александр чувствовал соблазн позвонить знакомому. Несколько слов могли сократить Павлу дни в заключении и заодно избавить самого Ланского от необходимости объяснять, почему он не пользуется доступной возможностью. Он запросил место содержания официально, а затем всё-таки позвонил, чтобы его запрос не потерялся.

Позже он никогда не рассказывал эту историю как пример собственного безупречного поведения.

Защитник добился свидания не сразу. Павел слышал, что может не подписывать лист, который неверно передаёт его слова, с таким облегчением, будто ему разрешили наконец лечь спать. В камере он прокручивал каждый ответ, пытаясь понять, какой сделал его подозрительным.

Рабочая тетрадь оказалась дома в сундуке. Белов привёз её сам. Даты и записи подтверждали, что в день одной предполагаемой встречи Морозов находился на испытаниях далеко от указанного места. Сохранились также ведомость выдачи денег и подпись другого получателя. Небрежность благотворительного сборщика перестала выглядеть доказательством участия Павла в тайной кассе.

Он вышел через несколько дней. Ноги дрожали, хотя его не били. Взяли образец почерка, записали приметы, вернули не все вещи. Защитник посоветовал перечислить пропавшее.

Павел сказал, что хочет домой.

Под домом он подразумевал комнату с чужими койками. Впервые за всё время работы в городе это слово пришло ему без поправки.

Левин ждал у ворот мастерской. Ничего не спрашивал. Подал свёрток с едой и сказал, что станок пока займёт другой, а ему следует выпасться.

Белов пообещал оплатить пропущенное. Павел поблагодарил с такой поспешностью, что Николай почувствовал неловкость.

— Это не милость, — начал он, но остановился.

Для рабочего разница не имела практического значения, пока зависела от решения хозяина.

Вопрос о чрезвычайных мерах дошёл до представительного собрания. Депутаты требовали назвать основания задержаний и число освобождённых без обвинения. Министр ссылаясь на тайну следствия. Некоторые выступавшие старались превратить каждый полицейский промах в доказательство того, что угрозы нет. Вдовы погибших слушали это с галереи и уходили до окончания речей.

Ланской принёс в комиссию проект, который отделял временные следственные полномочия от общего права закрывать общественные организации. Предусматривались предельный срок, проверка задержания судебной властью и обязанность представить отчёт о применении. Полиция возражала: организаторы успеют скрыться. Юристы спорили о порядке доступа к материалам. Газетам хотелось ясного победителя.

Решение приняли после тяжёлых переговоров. В нём оставалось достаточно оснований для злоупотребления, чтобы противники могли честно называть его опасным. Но срок действия был указан календарно, а продолжение требовало нового рассмотрения.

Николай подписал с неудовольствием. Он полагал, что принимает ограничение ради успокоения страны, и не разделял мысли, будто это ограничение само по себе делает государство сильнее.

Через несколько месяцев следствие установило участников подготовки покушения. Доказательства оказались разными по качеству; защитники оспаривали часть показаний. Один из подозреваемых добился оправдания. Других признали виновными. Судебное разбирательство не дало стране согласия даже в оценке очевидного убийства: для одних наказание оставалось слишком мягким, для других любой приговор такого суда был заранее несправедливым.

На этом фоне продлить особые полномочия казалось проще, чем объяснять отказ. Правительство попросило продления только части мер. Собрание согласилось ещё на ограниченный срок и потребовало новые гарантии. В полицейском ведомстве расценили решение как недоверие людям, рискующим жизнью.

Елизавета навестила семью убитого курьера. Его жена попросила помочь оформить пособие. Женщина не собиралась участвовать в споре о государственном устройстве. Она не могла получить деньги, потому что одного документа не было в том учреждении, где он должен был находиться.

Александр нашёл документ через два дня. Потом добивался изменения порядка выплаты, чтобы следующий человек не искал его самого. Это заняло год.

Павел написал сестре только о задержании и освобождении, не упомянув камеру. Анна поняла пропуск и не стала расспрашивать в ответном письме. Она рассказала о школе и сообщила, что младший брат хочет приехать к нему учиться ремеслу.

Он перечитал это несколько раз. Прежде с радостью представил бы, как показывает деревенскому мальчишке город. Теперь думал о том, что умеет в городе далеко не всё. Даже сказать, в какой момент обычная жизнь может кончиться, не сумел бы.

К лету 1914 года в мастерской Белова было уже два помещения. Вера сдала очередные экзамены и готовилась продолжать учёбу. Анна получила возможность оформить своё место при школе более прочно. Левин начал жаловаться на зрение. Ланскому всё чаще поручали работу, для которой прежде считали его недостаточно старшим.

Витте болел и не любил, когда ему об этом напоминали. Николай по-прежнему верил, что личное решение государя должно оставаться последней опорой страны. Их союз существовал без согласия о том, что именно этот союз создаёт.

Из Японии пришло письмо Такахаси. Он писал о сыне, о новой должности и о растущем нетерпении людей, которым казалось, что дипломаты слишком долго объясняют очевидное. В

конце спрашивал, достаточно ли сил у русского правительства, чтобы не отвечать на любую провокацию одинаково.

Ланской оставил письмо на столе. В тот день пришли первые тревожные известия с Балкан.

Дежурный чиновник принёс телеграммы, связанные красной тесьмой. Александр разрезал узел и начал читать. В комнате, где когда-то сравнивали две железнодорожные таблицы, снова возникали сроки, обещания, союзные обязательства и люди, убеждённые, что промедление будет опаснее действия.

Он достал чистый лист. Наверху написал дату, затем перечень вопросов, на которые следовало получить ответ прежде, чем отправится следующая телеграмма.

Первым было не то, сколько войск можно поднять.

Первым было: чего Россия собирается добиться.

Глава седьмая

Телеграммы из Европы

В последнюю неделю июля Ланской перестал снимать со стола железнодорожное расписание. Карту Европы повесили на стену, но к ней подходили реже. На карте расстояние между двумя державами можно было измерить ладонью; в расписании оно состояло из эшелонов, запасных путей, угольных складов и часов, которые требовались, чтобы вернуть поезд обратно.

Убийство австрийского наследника застало его за письмом в школьное попечительство. Анна Морозова просила разъяснить, можно ли принять пожертвование на новую печь, если даритель желает назначить собственную родственницу заведовать библиотекой. Александр отложил ответ на следующий день. Через месяц письмо всё ещё лежало под промокательной бумагой.

Первые известия не казались началом общего бедствия. В европейских столицах уже привыкли проживать несколько тревожных недель, после которых послы уезжали отдыхать, а газеты находили другое унижение. Теперь требования Вены к Белграду были составлены так, что принятие одних пунктов меняло смысл остальных. Сербское правительство соглашалось на многое и возражало против вмешательства чужой власти в собственное следствие. Австрийские военные не хотели ещё одного соглашения, которое оставит противника на прежнем месте.

Витте выслушал доклад, сидя у открытого окна. Дышал он тяжело; усы, прежде придававшие сердитому лицу почти комическую внушительность, теперь подчёркивали его усталость.

— Союзный договор принесите полностью, — сказал он.

Чиновник начал объяснять обязательства России перед Францией.

— Я попросил бумагу. Потом будете объяснять.

Ланской принёс договор и два письма послов. Французские представители напоминали о верности союзу. Из Берлина приходили заверения, что Германия стремится ограничить спор Австрии и Сербии, но не оставит союзника без поддержки. Никто не определял заранее, что именно сочтёт оставлением.

На совещании генерал разложил план развёртывания. Частичные приготовления, утверждал он, опасны: они нарушают общий график и создают слабые места. Если противник начнёт раньше, потерянные дни придётся оплачивать поражением.

— Какие именно приготовления уже произведены? — спросил Витте.

Генерал назвал части и округа. Министр иностранных дел попросил не заносить подробности в общий протокол. Сергей Юльевич посмотрел на секретаря.

— В закрытое приложение. Государь должен знать, что уже сделано от его имени.

Ланской записал. Несколько лет назад он счёл бы подобный обмен доказательством дурных отношений между ведомствами. Теперь понимал, что дурные отношения существуют и без протокола; только в протоколе у них появляются даты.

Россия сохранила армию, которую не истощила дальневосточная война. У неё было больше возможностей для демонстрации силы, и эта сила придавала сторонникам решительных действий уверенность. Витте опасался именно этого. Сбережённые средства могли стать доводом потратить их на другую войну, более близкую, с более понятными обязательствами и гораздо более многочисленными противниками.

Николай принял министров после обеда. Он говорил о Сербии с искренним волнением. Славянское государство не должно оставаться без защиты; уступка перед угрозой выглядела для него ещё и личной неверностью.

— Если сейчас мы промолчим, нам никогда больше не поверят.

Министр иностранных дел предложил ноту. Военный министр просил разрешения на подготовительные мероприятия. Витте попросил сначала сформулировать русские условия прекращения кризиса.

Государь раздражённо перебил:

— Сербия должна сохраниться.

— В каких границах? С каким правительством? С каким правом Австрии участвовать в расследовании? Если мы этого не определим, нас позовут защищать каждое решение Белграда.

Николай подошёл к окну. Он не хотел выбирать между бездействием и войной, но именно эти два выбора ему с утра предлагали люди, одинаково уверенные в своей верности. Витте предлагал ещё несколько дней тяжёлой работы без гарантированного результата.

В тот вечер полномочия русских послов уточнили. Поддержка Сербии не означала обязательство защищать лиц, причастных к подготовке убийства. Петербург настаивал на международном наблюдении за следствием, сохранении сербского управления и запрете оккупации за пределами отдельно согласованной зоны. Военные приготовления должны были перечисляться в уведомлениях, передаваемых другой стороне. Уведомления не останавливали полки. Они мешали потом утверждать, что движение полков никого не касалось.

Вена отвергла первую редакцию. В Белграде возмутились второй. Французский посол потребовал разъяснений о намерениях России, опасаясь, что союзник торгуется отдельно. Из Берлина спросили, не означает ли предложение попытку поставить германскую дипломатию под международный надзор. Витте сказал Ланскому оставить переписку на столе: утром понадобится понять, кто именно отказался от какого предложения.

Тем временем на заводах произошло то, чего не было в дипломатических приложениях. Банки ужесточили выдачу кредита. Поставщики потребовали денег вперёд. За железнодорожный металл, который Белов рассчитывал получить в августе, назначили новую цену, ссылаясь на возможное военное изъятие.

Павел Морозов пришёл в контору перед концом смены.

— Нас заберут?

— Пока приказа нет.

— А за комнату платить? Хозяйка говорит, если уедем, вещи вынесет.

Николай предложил оставить сундуки в кладовой. Павел поблагодарил и не ушёл.

— Если я буду должен за койку, из расчёта удержат сразу?

Белов не знал. Он вынул из ящика ведомость и увидел, что напротив большинства фамилий стоят мелкие авансы. Возможная война уже отняла у людей право распорядиться следующей получкой, хотя ни один ещё не получил повестки.

Вечером он поехал к Ланскому. Тот вышел к нему в коридор, держа чашку холодного чая. Николай хотел спросить о поставках, но вместо этого рассказал про кладовую.

— Дай мне список вопросов, — сказал Александр.

— Для чего?

— Чтобы хоть кто-нибудь спросил о них до отправки людей.

— Ты думаешь, там сейчас до наших сундуков?

Ланской не ответил сразу. За стеной звонил телефон, кто-то выговаривал по-французски фамилию, которую не расслышали на другом конце.

— Нет. Поэтому дай список.

В отличие от прежних кризисов, российское представительное собрание теперь нельзя было обойти без заметного следа. Военные расходы в существующих пределах разрешалось переставлять, но большой дополнительный заём потребовал бы открытого обсуждения. Громов настоял на созыве комиссии. Ему возражали, что депутаты не вправе обсуждать секретные планы. Он согласился обсуждать только цели, стоимость и порядок предоставления средств. Возражавшие обнаружили, что это тоже затрагивает почти всё.

На закрытом заседании большинство поддержало ограниченный оборонный кредит. Разрешения на общую войну из него не следовало. Несколько депутатов прямо заявили: если кабинет признает войну неизбежной, он обязан представить новое обоснование. Закон ещё не давал собранию окончательной власти над внешней политикой. Но подписи под финансовым решением уже нельзя было получить, не назвав того, за что предстояло платить.

Это не осталось тайной для иностранных посольств. Французское правительство, не желавшее первым нести политическую ответственность за расширение конфликта, стало настойчивее требовать от собственного союзника точного описания германской угрозы. В Берлине заметили, что немедленного русского развёртывания на всём фронте пока нет. Германские промышленники напоминали о заказах и обязательствах банков; военные говорили, что нынешнее промедление сделает следующую войну менее выгодной. Их спор не разрешился нравственным прозрением. Одной стороне на несколько дней удалось удержать подпись, которой добивалась другая.

Австрийские части всё же перешли границу на ограниченном участке. Бои у переправ принесли первые сотни убитых и сделали переговоры тяжелее. Сербские сообщения преувеличивали успехи; венские газеты преуменьшали потери. Русская печать требовала ответа. Николай получил письмо родственника, упрекавшего его в том, что кабинет ставит бухгалтерию выше чести.

На следующей аудиенции государь положил письмо перед Витте.

Тот прочёл и отодвинул.

— Человек подписался. Это хорошо. Попросите его указать, какие русские цели обеспечивают поход за пределы Сербии.

— Вы предлагаете мне отписаться?

— Предлагаю получить ответ.

Николай долго молчал. Затем разрешил продолжить переговоры ещё на установленный срок и потребовал ежедневных докладов. Витте вышел, держась за перила. В коридоре его ждал врач, приглашённый без согласования.

Августовское соглашение выработали под угрозой дальнейших боёв. Сербия принимала международную комиссию, участие которой ограничивалось проверкой определённых материалов; Австрия обязывалась вывести части после выполнения первых условий. Наблюдатели должны были прибыть до завершения отвода. Германия и Россия взаимно заявляли, какие приготовления прекращают. Британия предоставляла площадку для следующего совещания, не обещая постоянной охраны европейского мира.

В Белграде договор называли спасением и унижением. В Вене — восстановлением престижа и отказом от победы. В Петербурге некоторые газеты напечатали портрет Витте с обвинениями, которые прежде сопровождали карикатуры на уступки Японии. Он велел не готовить опровержения от своего имени.

Европейские армии не исчезли. Германия сохранила страх перед будущей русской мощью; Франция — память о потерянных провинциях; Австрия — внутренние противоречия, которые внешнее давление не уменьшило. На Балканах родственники погибших не считали подписанный текст окончанием собственной истории. Государства избежали общей войны летом 1914 года, сохранив значительную часть причин для следующей.

Павел получил письмо из деревни. Семён спрашивал, не следует ли продать телёнка, чтобы приготовить сыну денег в дорогу. На обороте Анна приписала, что печь отремонтируют после жатвы; даритель отказался от своего условия, когда несколько семей предложили собрать недостающее.

Павел отнёс письмо к окну мастерской. Дома почти не знали, что несколько недель его смена могла оказаться последней. Ему захотелось объяснить всё подробно. Он написал, что пока остаётся работать, а телёнка продавать не надо.

Ланской ответил школьному попечительству в сентябре. Прежде чем подписать, проверил дату входящего. Письмо пролежало сорок три дня. Он убрал из ответа фразу о безотлагательном внимании правительства.

В октябре Такахаси прислал короткую записку. Японское ведомство интересовалось, сохраняет ли силу предусмотренное торговое совещание. Под официальным текстом Хироси собственноручно добавил вопрос о здоровье Сергея Юльевича.

Александр пошёл узнать у секретаря. Витте находился дома. Врачи просили уменьшить нагрузку; он требовал, чтобы ему прислали проект бюджета на будущий год.

Глава восьмая

Последний бюджет

На ковре в кабинете Витте лежали три раскрытые папки. Четвёртую поставили на стул, потому что врач запретил хозяину нагибаться. Сергей Юльевич, увидев это приспособление, велел принести ещё один стул и усадить на него Ланского.

— Что вы стоите, как на выговоре? Читайте.

Александр начал с расходов на сельскохозяйственное образование. До конца страницы его не прервали. Потом Витте спросил, сколько из предусмотренных мест действительно открылось. Цифра находилась в другом приложении; за ним пришлось послать в министерство.

В комнате пахло лекарством и остывшей едой. На круглом столике стояла тарелка с нетронутым мясом. Ланской старался говорить негромко. Сергей Юльевич раздражался, просил повторить и однажды зло спросил, не собираются ли они теперь управлять шёпотом.

Осенью болезнь перестала быть обстоятельством, которое можно скрыть от служащих. Заседания переносили, важные бумаги возили домой, министры обсуждали, кого приглашать на предварительные совещания без председателя. Витте требовал присылать повестки и обнаруживал решения, по которым ему уже оставалось лишь согласиться. Он сам много лет считал подобный способ работы естественным, если отсутствующий руководитель мешал делу. Теперь подозревал, что дело торопят ради его отсутствия.

Сводный бюджет обнаруживал результаты десятилетия лучше юбилейных речей. Государство тратило больше на железные дороги, школы, сельский кредит и подготовку специалистов. Средства, не поглощённые войной на Тихом океане, не лежали нетронутым запасом: часть ушла на проценты, часть на неудачные предприятия, часть на расходы, которые стали постоянными. Новая школа требовала жалованья каждый год. Дорога, открытая с торжеством, нуждалась в ремонте после первого тяжёлого сезона. Успешное преобразование приносило следующему кабинету обязательства, от которых невозможно было отказаться без заметного ущерба.

Ланской прочёл предложение объединить несколько мелких училищ.

— Экономия на управлении, — пояснил он.

— Ученики как добираться будут?

— Предусмотрено общежитие.

— В какой строке?

Он перелистал приложение. Строки не оказалось. Общежитие относили к следующей очереди, а закрытие училищ — к текущему году.

Витте откинулся в кресле. Некоторое время дышал с закрытыми глазами.

— Это не вы готовили?

— Я сводил.

— Значит, вы.

Александр почувствовал знакомую обиду. За ним числились бумаги, по которым он не принимал окончательного решения, чужие цифры и затянувшиеся согласования. Ему хотелось объяснить, сколько раз он требовал недостающие сведения. Вместо этого поставил помету напротив двух строк.

Сергей Юльевич заметил движение и смягчился.

— Я знаю, что у вас там делается. Но после вас это прочтут один раз. Хорошо, если один.

В тот же день обсуждали особый порядок расходов короны. Предварительное разграничение, на которое Николай согласился несколько лет назад, обросло исключениями. Содержание ведомственных зданий переходило из одной статьи в другую в зависимости от того, кто временно пользовался помещением. Дворцовые поездки могли считаться семейными до

момента оплаты охраны и государственными после него. Чиновники не обязательно воровали. Они охраняли привычное право не отвечать на некоторые вопросы.

Проект Витте предлагал определить постоянную сумму содержания короны и перечень государственных услуг, оплачиваемых отдельно. Проверять соответствие расхода перечню должен был общий контрольный орган. Пересмотр суммы требовал публичного решения через установленное число лет. В тексте не было ничего о спальнях, болезнях или личной переписке семьи. Именно такими вторжениями, однако, проект представляли государю.

Николай принял председателя дома, приехав к нему в сопровождении двух человек. Присутствующие старались не смотреть на кресло, которое пришлось придвинуть так, чтобы хозяин мог оставаться сидеть. Разговор начался с здоровья и быстро стал неприятным.

— Мне передали, вы предлагаете поставить содержание двора на ежегодное голосование.

— Нет, ваше величество. В этом и состоит разница между постоянным установлением и нынешним порядком.

Витте показал страницу. Николай прочёл её целиком, чего обычно не делал в присутствии докладчика. Затем спросил, почему контролёры должны судить о расходах его дома.

— Они будут проверять, из той ли статьи взяты деньги. Если статья ваша личная, отчёта перед Думой нет. Если государственная, есть.

— Государь тоже служит государству.

— Поэтому его служебные расходы можно определить.

Николай положил лист. Он слышал в рассуждении не экономию, а изменение собственного положения. Всё, что удавалось описать общим правилом, переставало зависеть только от его усмотрения. В ответе министра не было прямого вызова, на который можно обидеться и закончить разговор. Была последовательность, заставлявшая двигаться дальше, чем государь соглашался в начале.

— Мы ещё вернёмся к этому, — сказал он.

После отъезда императора Витте велел положить проект вместе с прочими бюджетными материалами. Не отдельно, как особую просьбу председателя. Ланской понял намерение и спросил, следует ли приложить объяснительную записку.

— Следует. Без моей фамилии в заглавии.

В мастерской Белова зима началась с несчастного случая. Ученик попытался убрать стружку при работающем станке. Два пальца спасти не удалось. Павел находился рядом и потом никак не мог вспомнить, успел ли крикнуть до того, как повернул рычаг.

Мальчика звали Фёдор. Ему недавно исполнилось семнадцать. При поступлении отец уверял, что сын привык работать и не станет отлынивать; теперь в больнице сидел возле койки, держал шапку между коленями и не спрашивал ни о каком жалованье. Он боялся заговорить так, чтобы хозяин решил, будто семья предъявляет претензии.

Белов приехал с деньгами. Фёдор спал. Елизавета Ланская вышла с ним в коридор, объяснила, какого ухода потребует рука и почему нельзя сейчас обсуждать возвращение в мастерскую.

— Я не заставляю возвращаться.

— Вы ничего ещё не заставляете. Он сам боится, что его место займут.

Николай предложил выплату семье. Вопрос о размере оказался неожиданно трудным. Дать много означало признать обязательство, которого прежний порядок не предусматривал в таком объёме; дать мало он не мог. Выборный слесарь попросил показать правила страховой кассы. Белов велел принести документы и обнаружил, что часть работников мастерской подпадает под один порядок, а ученики — под другой.

Павел впервые пошёл на заседание больничной кассы. Прежде он платил взносы с недовольством человека, который ощущает вычет сейчас, а пользу представляет потом. За столом спорили о продолжительности пособия, медицинском заключении и том, следует ли учиты-

вать нерегулярный приработок. Представитель владельцев предложил не смешивать помощь с наказанием предприятия. Павел согласился, что смешивать не нужно, и попросил сказать, когда Фёдор получит первые деньги.

Дату назвали после второго вопроса.

Комиссия, работавшая над расширением страхования, получила этот случай в числе других. Подробности не свидетельствовали, что всё предприятие дурно устроено: Белов показывал инструктажи, защитные приспособления, подписи. Инспектор всё же нашёл способ размещения инструмента, при котором ученику приходилось тянуться слишком близко к движущемуся механизму. Переставить тумбу стоило недорого. Приказ о перестановке никто не догадался отдать раньше.

Фёдор научился застёгивать пуговицы одной рукой. Его мать плакала, когда видела это впервые, и сердилась на него, когда он просил не помогать. В начале следующего года Белов предложил обучение разметке и складскому учёту, не требовавшим прежней силы пальцев. Отец мальчика долго благодарил. Павел слушал за дверью и думал, что сам поблагодарил бы точно так же. Вся их независимость пока помещалась в просьбу, которую можно исполнить или нет.

Расходы на страхование стали одним из предметов последнего бюджетного спора Витте. Представители промышленности предупреждали, что быстрый рост взносов ухудшит положение небольших предприятий. Рабочие депутаты показывали расходы семей, оставшихся без заработка. Министерство предлагало переходный срок и ограниченную помощь кассам там, где сбор ещё не покрывал обязательств. Каждая сторона подозревала, что переходным назовут именно тот порядок, который затем сохранят навсегда.

Сергей Юльевич не успел лично провести все чтения. В январе он ещё давал указания, в феврале документы возвращались с редкими карандашными пометами. Ланской перестал спрашивать секретаря, когда будет очередной доклад. Ответа ждали от врача, а тот повторял, что прежде надо дать больному покой.

В марте Витте умер. Известие пришло утром, и первое время служащие продолжали передавать папки как обычно. Задержанный извозчик, недописанный журнал, просьба прислать копию — всё это требовало действий, несовместимых с ощущением окончательной перемены. В приёмной говорили тише. Человек, которого при жизни обвиняли в чрезмерной власти, в течение нескольких часов превратился в человека, без которого никто не знал, кто должен подписать распоряжение.

На похоронах Громов оказался рядом с Ланским. Они не разговаривали, пока процессия не двинулась. Потом депутат спросил, внесён ли страховой законопроект.

Александр посмотрел на него с неприязнью.

— Внесён.

— До конца сессии рассмотрят?

— Не знаю.

Громов кивнул. Через несколько шагов пояснил:

— Если отложат, потом скажут, что это была его личная затея.

Ланской ничего не ответил. Вечером, вернувшись в ведомство, он запросил перечень внесённых проектов и сроки ближайших заседаний.

Страховые изменения провели с переходными положениями. Пересмотр расходов короны потребовал ещё нескольких недель. Николай согласился на постоянное установление и проверку отдельных государственных статей, настояв на более широком перечне исключений. Левые депутаты назвали уступку недостаточной; правые — недопустимой. Закон начал действовать в редакции, которую Витте наверняка стал бы переделывать.

В его последнем бюджете не было строки, способной удержать всё остальное. Сельский кредит зависел от возврата ссуд и качества земли. Промышленная программа — от подготов-

ленных людей и исправных банков. Представительное собрание — от готовности правительства снова принести документы после первого неудобного заседания. Начатые преобразования получили учреждения, средства и людей, которым было что защищать. Никто не мог засвидетельствовать их окончательное завершение.

Павел узнал о смерти Витте от Белова. Вечером он написал Анне. Хотел объяснить, почему это важно для них, и остановился на том, что теперь могут снова изменить правила кассы.

Анна ответила через неделю. В её школе наконец заменили печь. Она приложила расчёт расходов и спросила, достаточно ли будет хранить его у попечителя или нужна копия в другом месте.

Ланской в эти дни разбирал бумаги покойного председателя. На одном из проектов лежала записка с требованием проверить число открытых училищ. Приложение успели доставить; ответа Сергей Юльевич уже не увидел. Александр подшил его к той же папке, не исправив дату поступления.

Глава девятая

Пустое кресло

Новый председатель Совета министров Павел Васильевич Русанов потребовал убрать из приёмной большую фотографию Витте. Секретарь решил, что начинается перемена курса, и спросил, куда её перенести. Русанов посмотрел на него с удивлением.

— На ней он ещё живой. Здесь теперь будут ждать под этим портретом и сравнивать. Отдайте семье, если пожелают.

Фотографию перенесли в соседнюю комнату. Сравнивать продолжали.

Русанов пришёл из финансового управления. Он был осторожен, не любил докладывать то, чего нельзя подтвердить документами, и не желал прославиться разрушением предшествующей работы. Николай выбрал его в надежде сохранить полезное и прекратить постоянное раздражение, которое вызывал у двора Витте. Государь рассчитывал, что аккуратный исполнитель сумеет обойтись без тяжёлых споров о пределах полномочий.

Первые недели подтвердили ожидания. Заседания начинались вовремя, министры получали повестку заранее, решения облекались в учтивые формулировки. Ланской с неожиданным облегчением обнаружил, что может закончить доклад, не будучи перебитым. Через месяц выяснилось, что выслушанный доклад иногда не приводит ни к какому решению. Русанов ещё не знал, какие споры нужно доводить до государя, а какие удастся переждать.

Министр внутренних дел Сергей Николаевич Руднев принёс проект упорядочения общественных организаций. Он не предлагал отменять всё, что создали за десятилетие. Напротив, в записке говорилось об охране законно достигнутых результатов от людей, злоупотребляющих свободой. Выборным рабочим организациям предписывалось сообщать полиции повестки заседаний, изменение состава руководства и сведения об источниках помощи. Временную приостановку разрешали до проверки подозрений. Срок проверки в первоначальном тексте не определялся.

Ланской поставил против этого места вопрос.

— Вы всё время требуете срок, — заметил чиновник министерства.

— Потому что речь о временной мере.

— А если проверка не закончена?

— Тогда кто-нибудь должен объяснить судье почему.

Собеседник закрыл папку. Он считал Александра человеком, который приобрёл особое положение при прежнем председателе и теперь пытается сохранить влияние через придирки к словам. Сам Ланской не был уверен, что в этом упреке совсем нет правды. Ведомство привыкло спрашивать его мнение, а теперь могло перестать. Но срок от этого не становился менее необходимым.

В России 1915 года сохранялась большая часть старой административной машины. Уездный начальник мог считать выборов досадным препятствием, инспектор зависел от губернатора, судья ждал новых помещений и помощников. Закон, принятый в столице, не отменял привычек людей, которым поручали его исполнять. После смерти Витте они особенно внимательно следили за тем, какие из прежних требований можно считать личными настойчивостями покойного.

Руднев действовал через ведомственный порядок. Не меняя громких названий, он хотел вернуть местной власти возможность предварительно останавливать то, что прежде приходилось оспаривать. Русанов опасался разрыва в кабинете. Государь доверял объяснению, что согласование действий обществ позволит предупредить новые покушения. Указ о временном надзоре подготовили к подписи.

Громов получил текст за день до заседания бюджетной комиссии. Перечитал дважды и принёс Александру.

— Ты заключение давал?

Они уже несколько лет обращались друг к другу без чиновничьей осторожности, но этот вопрос вернул Ланскому ощущение вызова.

— Давал замечания.

— Приняты?

— Часть.

— Срока нет.

Александр протянул свою копию. Напротив абзаца стояла его подпись и требование судебного пересмотра.

Громов покачал головой.

— Я не твоё оправдание ищу. Что теперь делать будем?

В мастерской Белова собирались обсудить расценки. За прошедший год выросли цены на хлеб и жильё; хозяин ссылаясь на стоимость металла. Левин уже не мог долго работать при слабом освещении, но на собрании оставался самым внимательным: просил повторять каждую цифру. Павел записывал. Его младший брат Андрей, приехавший весной, стоял у стены вместе с учениками.

Андрей быстро разочаровался в столице. Станки ему нравились, общежитие — нет, а терпение брата он принимал за привычку соглашаться. В деревне Павла помнили человеком, который присылает деньги и знает город. Здесь он увидел, как тот перед разговором с хозяином проверяет черновик и заранее вычёркивает слова, способные обидеть.

— Ты ему работаешь или сочинения пишешь? — спросил Андрей вечером.

Павел объяснил, что им нужен определённый ответ.

— Он всё равно скажет, денег нет.

— Если скажет, спросим какие расходы.

— И он тебе покажет?

Павел рассердился. Именно это он и собирался проверить.

В назначенный день в мастерскую пришёл полицейский чиновник. Требовал прекратить заседание до регистрации нового состава выборных. Прежний состав уже сообщали инспекции; полиция теперь утверждала, что эти сведения поступили не по установленной форме. Белов предложил перенести разговор в контору и назвать его производственным. Рабочие отказались. Если для обсуждения расценок требовалось притворяться, что никакого собрания нет, следующая встреча будет зависеть только от хозяина.

Чиновник составил протокол. Андрей выкрикнул что-то из задних рядов; Павел успел отвести его за рукав. Двоих участников всё же увели для установления личности. Среди них был Егор, приехавший из соседнего предприятия по просьбе своего кассового товарищества. На следующий день часть рабочих не вышла к станкам.

Белов считал остановку несправедливой по отношению к себе. Он не вызывал полицию, не отказывался вести переговоры, а заказ должен был сдавать в пятницу. Попросил Павла собрать людей после смены.

— Если они не работают, какая смена? — спросил тот.

— Хорошо. После обычного времени. Я тоже не могу платить за простой.

Павел вышел из конторы, чувствуя себя человеком, от которого требуют передать угрозу, не называя её угрозой. У ворот его ждала Екатерина, работница соседней текстильной фабрики. Они познакомились в вечерней школе, где она быстрее него решала задачи и хуже писала под диктовку. Катя хотела отдать учебник, который брала у него на неделю. Услышав, почему он задерживается, предложила принести людям чай.

Он сказал, что нельзя принимать решения, не зная, чем кончится.

Она сунула учебник ему под мышку.

— Я про чай спросила.

К вечеру из чайной принесли самовар. Кто-то смеялся, кто-то считал, сколько дней сумеет прожить без жалованья. Егор вернулся из участка, где его держали до окончания проверки. Он сердился, что люди сидят на холоде, и ещё сильнее рассердился, когда Белов предложил заплатить за чай.

Спор в мастерской не был крупнейшей стачкой года. Он оказался удобен для огласки: владелец поддерживал преобразования, рабочие не требовали свержения престола, а запрет объяснялся формальностью, которую не могли внятно изложить три разных учреждения. Громов запросил переписку. Руднев ответил, что отдельный случай не должен становиться основанием для пересмотра государственной политики.

Депутаты согласились. Они потребовали пересмотра самого порядка, который позволял повторять этот случай сколько угодно раз.

Русанов пригласил Ланского вечером. В кабинете ещё стояло прежнее кресло; новый председатель сидел за небольшим боковым столом.

— Вы умеете разговаривать с Громовым. Объясните ему, что кабинет не намерен отменять страхование и право представителей вести переговоры. Мы остановим несколько злоупотреблений и вернёмся к нормальной работе.

Александр спросил, на каком основании приостановлено именно это собрание.

Русанов перелистал справку.

— Местное начальство, возможно, перестаралось.

— Тогда надо отменить его распоряжение.

— Сейчас это будут понимать как отступление под давлением стачки.

Ланской смотрел на аккуратный почерк в справке. Здесь не было произвольных угроз, жестоких признаний или тайного замысла погубить реформы. Был человек, который хотел исправить ошибку так, чтобы никто не заметил ошибки власти. Именно для этого ему предлагалось отложить исправление.

— Через неделю давление будет больше, — сказал он.

Председатель устало потёр переносицу и попросил подготовить варианты.

Громов тем временем собрал подписи под условием выдачи нового кредита МВД. Средства на обычное содержание полиции не оспаривали. Дополнительные ассигнования ставили в зависимость от отчёта о применении надзора и уточнения порядка. Это была ещё не парламентская ответственность правительства, но кабинет уже не мог обещать государю полный бюджет без переговоров с депутатами.

Руднев потребовал роспуска собрания. Николай несколько дней всерьёз рассматривал предложение. Потом запросил у Русанова, как правительство будет финансировать обязательства до новых выборов и почему новое собрание окажется сговорчивее. Ответ не удовлетворил его. Повторять кризис, который уже однажды дорого обошёлся короне, государь не хотел, хотя раздражение депутатами считал вполне оправданным.

Компромисс оформляли почти месяц. Приостановление общественной организации ограничило сроком, продление передали суду, перечень оснований уточнили. Руднев сохранил министерство, но лишился возможности объяснять всякий местный запрет своим общим распоряжением. Русанов объявил решение согласованным исправлением практики. Громов в газете назвал его уступкой представителям страны.

Собрание у Белова возобновилось раньше общего решения. Устранение ошибки местного начальства заняло всего одну страницу. Оплату простоя обсуждали ещё две недели. Хозяин согласился покрыть часть потерь, рабочие отказались от части первоначальных требований. Андрей сказал брату, что на чай ушло больше решимости, чем на окончательный договор.

Левин, услышав, велел ему самому попробовать составить следующий.

Павел получил протокол и спрятал рядом с рабочими тетрадями. Подписывая, заметил, что пальцы больше не дрожат от самого присутствия хозяина. Это не сделало его спокойнее. Теперь он лучше понимал, сколько будет стоить неверное решение людям, выбравшим его своим представителем.

Николай долго не мог простить Ланскому участия в деле. Когда они наконец встретились, Белов спросил, нельзя ли было договориться без остановки мастерской.

— Можно, — ответил Александр. — В первый день.

Инженер хотел возразить и не стал. Он вспомнил, как сам предлагал назвать собрание другим словом.

В начале следующего года Левин подал заявление о выходе на менее тяжёлую работу. Глаза быстро уставали. Он не хотел, чтобы однажды пропущенный им размер испортил партию и заставил всех обсуждать то, о чём он предпочитал сообщить сам. Белов предложил обучать учеников и проверять порядок измерений. Мастер согласился при условии, что его не будут держать только ради благодарности за прежнюю службу.

На первом занятии Андрей пытался измерить вал на глаз. Левин не стал читать наставление. Принёс втулку, в которую вал не входил, и положил перед ним.

В тот день Павел задержался после работы, чтобы помочь Екатерине посчитать стоимость комнаты. Они собирались пожениться весной. Цены заставляли их откладывать разговор, который оба уже считали решённым. Катя предложила снять помещение подальше от фабрики, где было дешевле, а Павел начал считать время на дорогу.

В соседней конторе Белов пересматривал сроки нового заказа. Ланской дома писал заключение о судебном пересмотре административных запретов. Витте не присутствовал ни в одном из этих разговоров. Отказаться от его работы оказалось труднее, чем предполагали люди, видевшие в ней только влияние одного министра.

Глава десятая

Наследник

Зимой 1917 года в дом Ланских принесли проект закона, который нельзя было называть законом о наследнике. На обложке значилось: «О временном исполнении верховных обязанностей». Александр попросил посыльного подождать, проверил число листов и расписался. Его семилетний сын Михаил наблюдал за этим из дверей.

— Опять работа?

— На завтра.

Мальчик хотел показать корабль, склеенный из картона. Ланской обещал прийти после чая. Потом вспомнил, что так же ответил вчера, и попросил принести корабль в кабинет.

Наталья, его жена, поставила на стол блюдо с хлебом и спросила, не понадобится ли ей переписывать черновик. Прежде она преподавала, теперь большую часть времени отдавала детям и сердилась, когда знакомые называли это отказом от занятий по семейным обстоятельствам. По семейным обстоятельствам Александр тоже работал: семье нужны были деньги. Только его труд продолжал считаться общественным, а её — личным выбором.

Он попросил не трогать принесённую папку. Она сразу поняла степень секретности и увела сына, оставив картонный корабль на краю письменного стола.

Болезнь цесаревича по-прежнему скрывали. О тяжёлых приступах знали родственники, несколько врачей, прислуга и достаточно людей за пределами дворца, чтобы тайна становилась источником слухов. Население видело не медицинское заключение, а отменённые выходы, редкие фотографии и противоречивые объяснения. В этой пустоте приписывали власть любому человеку, которого считали способным облегчить страдания ребёнка.

Николай не различал тревогу отца и тревогу государя так ясно, как требовали политические рассуждения. Он мог внимательно выслушать доклад о непрерывности управления и через минуту счесть его преждевременным разговором о несчастье, которое ещё можно предотвратить. Александра особенно болезненно воспринимала намёки на неспособность сына выполнить будущий долг. Ей казалось, что осторожные люди заранее отказывают ему в жизни, которую остальным детям обещают без условий.

Проект появился после нескольких дней тяжёлой болезни Алексея. Министры не получали объяснений, почему отменяются аудиенции. Срочные бумаги передавали через людей, не имевших формальных полномочий давать ответ. В одном ведомстве устное сообщение поняли как распоряжение отложить решение, в другом — как согласие действовать. Русанов потребовал общий порядок. Впервые он спорил с двором настойчивее, чем с Думой.

Александр занимался процедурой, не медициной. Закон должен был определять, кто удостоверяет невозможность исполнения обязанностей, как принимается временное решение, кому передают полномочия и каким способом возвращают их государю. Наибольшие споры вызвало последнее. Каждый допускал болезнь монарха в отвлечённом будущем; никто не хотел оказаться человеком, который удержит власть после его выздоровления.

На предварительном совещании сановник старой школы предложил предоставить всё ближайшему совершеннолетнему члену династии.

— Он и будет знать, когда уступить место.

Ланской спросил, что произойдёт, если его мнение разойдётся с заключением врачей.

— При порядочном человеке это исключено.

Александр записал ответ на полях и потом долго смотрел на него. Законодательство империи уже состояло из множества порядочных людей, которым не случалось согласиться друг с другом.

Врачи возражали против возложения на них политического решения. Они могли описать состояние больного, но не определить, допустимо ли ему подписать договор или принять отставку министра. Представители Думы опасались, что под видом временной передачи корона получит неответственное окружение, способное месяцами править от имени недоступного государя. Двор видел в этих опасениях намерение приблизиться к семейной жизни.

Елизавета прочла только обезличенный вопрос брата. Медицинские подробности он не сообщал.

— Тебе нужно, чтобы врач сказал, может ли человек решать государственные дела?

— Нужно понять, когда его можно освободить от них.

— Это разные вопросы. Иногда человек не может встать с постели и прекрасно понимает документ. Иногда ходит, разговаривает и не должен решать ничего.

Она попросила его не писать в законе, будто телесная слабость сама по себе означает недостаток разума. Александр зачеркнул несколько строк. Затем отметил отдельно право больного просить о временном освобождении без публичного доказательства своей неспособности.

За пределами кабинетов зима требовала совсем других решений. Неурожай в ряде уездов и затруднения перевозок подняли цены. Хлеб имелся в одном месте и отсутствовал в другом; торговцы не желали отправлять его при неопределённой цене доставки. Местные власти то запрещали вывоз, то просили помощи у соседей, которые вводили такой же запрет. Россия не переживала истощения общей войны, но это не делало её хозяйство защищённым от плохой погоды, долгов и неразумных распоряжений.

Семён Морозов прислал письмо без привычного утешительного начала. Платёж по земле наступал раньше, чем можно было продать урожай по приемлемой цене. Сосед заложил лошадь. Банковский служащий предложил подать прошение об отсрочке и предупредил, что комиссия будет проверять каждое хозяйство.

Анна описала, что именно следует приложить, и попросила Павла не высылать всё сразу. Она знала о беременности Екатерины. Сын у них родился весной, и родители называли его Дмитрием. Павел сначала не хотел писать домой, сколько стоили врач и лекарства, потом написал отдельную сумму рядом с расходами на комнату. Семья в деревне впервые увидела, что городской заработок тоже распределён между обязательствами, у которых нет удобной очереди.

Екатерина вернулась к работе позже, чем рассчитывала. На фабрике её место сохранили, но ночные часы пришлось обсуждать отдельно. Ребёнка оставляли у соседки. Павел иногда получал его спящим, иногда кричащим от чужих рук, и поначалу сердился так, будто Дмитрий мог понять причину очередной смены взрослых.

Однажды Андрей увидел брата с ребёнком возле проходной.

— Дай понесу.

Павел не дал. Боялся, что уронит. Через минуту понял, что сам держит мальчика почти на весу, и всё-таки передал. Младший брат понёс племянника с той уверенной осторожностью, которой Павел прежде не замечал в нём возле станка.

Вопрос продовольствия потребовал чрезвычайного кредита. Руднев снова предложил расширить полномочия местной администрации. Громов согласился на временные закупки и перевозки, потребовав отчётности по уездам. В комиссии обнаружили, что один запрет вывоза по-прежнему подписан фамилией чиновника, уже переведённого в другое место. Его преемник исполнял распоряжение, считая отмену превышением собственных прав.

Русанов велел отменить запрет и затем запросил общий перечень действующих ограничений. Перечень оказался длиннее доклада о нуждающихся. Он впервые сказал на заседании, что правительство обязано отвечать и за собственные препятствия снабжению. Руднев счёл высказывание несправедливым к местным служащим, но на этот раз председатель не стал смягчать протокол.

Помощь пришла с опозданием для нескольких хозяйств. Семён отсрочку получил. Сосед, продавший лошадь, не сумел воспользоваться тем же решением: к весне его хозяйство уже потеряло способность вернуть обычный доход. Он уехал на заработки, оставив семье часть земли. Анна несколько месяцев помогала его жене составлять заявления и ненавидела лёгкость, с которой в сводках различали получивших и не получивших помощь. Между ними лежало время, за которое человек успевал продать необходимое.

В городе спор о бюджете соединился с обсуждением полномочий короны. Для всё большего числа депутатов зависимость государственных решений от состояния одной семьи выглядела опасностью, которую следовало устранять независимо от того, кто правит. Николай слышал в этом попытку воспользоваться его несчастьем. Громов, приглашённый на аудиенцию вместе с председателем, начал говорить слишком резко и сам почувствовал это по лицу государя.

— Я не желаю обсуждать здоровье моего сына здесь, — сказал Николай.

Русанов ответил прежде депутата:

— Нам нужен порядок для любого царствования. Если мы не примем его сейчас, следующий председатель опять будет спрашивать у дежурного, кому нести бумаги.

Император отвернулся. На столе лежала небольшая фотография детей. Минуту назад перед ним находились люди, требовавшие уступить власть; теперь он различил и другое требование — перестать заставлять всех угадывать, когда ему можно задать вопрос.

Закон приняли не сразу. В нём оставили короне значительную роль в выборе временного исполнителя, но требовали установленного подтверждения, указания объёма полномочий и участия обеих палат в продлении особого порядка. Частные медицинские сведения не становились обязательным предметом публикации. Официальное сообщение должно было объяснять правовые последствия, не выдавая диагноз за государственную тайну с неограниченным сроком.

За несколько лет существования Думы это было одно из немногих решений, в которых депутаты заранее согласились ограничить и себя. Они не могли произвольно объявить монарха неспособным к исполнению обязанностей. Предусмотренная процедура занимала время, требовала независимых заключений и допускала пересмотр. Газетам, ожидавшим разоблачения дворцовых тайн, досталось скучное описание порядка.

В конце 1918 года Алексей приехал с отцом на встречу с несколькими воспитанниками технических училищ. Вера Белова присутствовала среди приглашённых вместе с преподавателем. Она к этому времени работала с расчётами и всё ещё получала меньше самостоятельных заданий, чем мужчины с сопоставимой подготовкой. Государю показали чертежи, наследнику — модель самолёта. Организаторы старались, чтобы мальчику не пришлось долго стоять.

Алексей спросил, зачем у модели две разные лопасти. Вера объяснила, что это учебное сравнение, а не пригодное к полёту устройство. Кто-то из сопровождавших хотел перевести разговор на достижения отечественной авиации. Наследник попросил дать договорить. У него было усталое лицо и живой интерес человека, которому в присутствии взрослых часто показывают заранее подготовленное.

Позже Вера рассказала об этом отцу. Николай спросил, говорила ли она сама с государем.

— С сыном.

Он хотел поправить её, чтобы называла наследника надлежащим образом, и вдруг не стал. Для его дочери юноша возле учебного стола оказался прежде всего человеком, задавшим толковый вопрос.

Ланской видел Алексея на следующей встрече. Тот сидел рядом с преподавателем, читал пометки и сердился, когда его преждевременно освобождали от занятий. Никакой закон не мог определить, сколько времени ему отпущено и какую жизнь он сможет выбрать. Александр

впервые позволил себе подумать, что закон нужен также затем, чтобы этот выбор не казался предательством страны.

Дома Михаил достал старый картонный корабль. Клей рассохся, борта разошлись. Мальчик просил помочь починить. Ланской отложил папку, которую принёс из министерства, и пошёл искать чистую бумагу для заплат.

Глава одиннадцатая

Право остаться

Левин положил на стол Белова документы в потрёпанном конверте. Николай сначала подумал, что мастер снова просит изменить часы занятий. Только прочитав первую страницу, понял, что речь идёт о праве жить в городе.

Прежнее разрешение было связано с ремеслом и подтверждавшими его занятиями. После перехода к обучению учеников местная канцелярия запросила новые доказательства. Одно ведомство считало преподавание продолжением ремесленной деятельности, другое требовало подтвердить самостоятельный заработок именно по той специальности, на которую ссылались старые бумаги. Левин годами жил в Петербурге, платил за жильё и работал на предприятиях, чьи заказы считались важными для государства. Теперь государству требовалось узнать, тот ли он человек в смысле одной из его многочисленных оговорок.

— Я напишу, что ты работаешь у меня, — сказал Белов.

— Напишите. Они ещё попросят, сколько часов.

— Сколько нужно, столько укажем.

Левин поднял глаза.

Николай замолчал. В следующую минуту обещал указать действительное число.

Весной 1919 года старое законодательство о различии прав по вероисповеданию уже плохо согласовывалось с устройством страны. Государство оплачивало образование, потом ограничивало применение полученных знаний. Брало налог с предприятия, владельцу которого приходилось отдельно доказывать право на проживание. Заказывало сложное оборудование у людей, чьи дети сталкивались с ограничениями при поступлении и службе. Исключения существовали, но требовали времени, удостоверений и знакомых, а потому сами становились средством неравенства.

Белов отвёз конверт Ланскому и сразу попросил не заниматься личным ходатайством. Прежде чем Александр успел ответить, добавил:

— Хотя если пока можно помочь лично, помощи.

Ланской усмехнулся без веселья. Он слишком хорошо знал эту последовательность. Сначала человек требует общего порядка, затем узнаёт срок рассмотрения и просит хотя бы до конца года сделать исключение.

Моисею разрешение продлили на время проверки. Его дело вместе с десятками других попало в материалы комиссии по гражданскому равноправию. Там фамилия Левина означала уже не старого мастера, а случай определённого вида. Громов просил приглашать заявителей лично. Председатель комиссии считал, что это затянёт работу. Спор закончился тремя открытыми заседаниями.

Левин пришёл в старом сюртуке. За столом ему предложили рассказать о заслугах перед промышленностью. Он перечислил предприятия, назвал годы, потом перестал говорить.

— Продолжайте, — попросил депутат.

— Что продолжать? Я всё принёс.

— У вас ведь были ученики.

— Были. Это написано.

Павел, сидевший сзади, понял, что мастер сердится. После заседания спросил почему.

— Если бы я плохо учил, меня можно было бы отсюда выслать?

Павел хотел ответить, что дело не в этом. Потом увидел, что именно это и пытался объяснить ему старик.

Противники равноправия приводили разные доводы. Одни ссылались на веру и историческое устройство государства. Другие утверждали, что быстрое изменение разрушит сложив-

шееся распределение мест и заработков. Третьи признавали необходимость отмены ограничений, но требовали дождаться общего успокоения. В тех губерниях, где особенно ждали этого успокоения, любое ухудшение хозяйства давало повод вновь обвинять соседей.

Осенью в одном из западных торговых городов начались нападения после слуха о сговоре торговцев. Газета напечатала неподтверждённую историю о зерновых запасах; на рынке её пересказали как установленный факт. Первые разбитые лавки полиция описала как беспорядок между участниками торговли. К ночи громили уже дома. Несколько человек погибли, десятки были ранены. Позже следствие так и не установило единого руководителя, которого охотно искали обе стороны: достаточно оказалось слухов, безнаказанности и людей, знавших, где живёт удобный виновник.

Елизавета приехала вместе с группой врачей. В больнице ей показали подростка с повреждённой рукой, женщину, потерявшую зрение на один глаз, пожилого человека, который всё просил проверить, закрыта ли дверь. Медицинские сведения она передала по установленному порядку. Личное письмо брату получилось длинным. Просила не повторять в комиссии выражение «излишнее возбуждение населения» так, будто у него нет последствий для конкретного тела.

В местной администрации сперва попытались свести ответственность к нескольким исполнителям. Кабинет запросил время получения приказов, сведения о наличии сил и фамилии отдававших распоряжения. Из этого не следовало, что каждый полицейский мог предотвратить всякое нападение. Следовало, что некоторые начальники сознательно ждали, пока обстоятельства станут очевиднее, а для раненых очевидность наступала слишком поздно.

Процесс длился долго. Нескольких участников оправдали за недостатком доказательств; другим назначили наказания, которые семьи погибших считали несоразмерными. Одного из чиновников отстранили и затем привлекли к суду за доказанное бездействие. Его сослуживцы собирали деньги семье. Правые газеты писали, что правительство делает виновными защитников порядка. Громов читал эти статьи в комиссии вслух, заменяя общие слова фамилиями погибших.

Николай не желал связывать отмену ограничений с уличным давлением. Вместе с тем он не мог принять объяснения, по которому нападение на верноподданных допустимо из-за их веры. Для него это были разные вопросы. Для законопроекта пришлось признать связь между ними: государство не могло убедительно требовать одинаковой защиты людей, права которых само делило по происхождению и вероисповеданию.

К концу 1920 года основной закон о гражданском равноправии прошёл обе палаты. Исключения, связанные с проживанием, доступом к занятиям и государственной службе, подлежали отмене; религиозные общины сохраняли внутреннюю жизнь в пределах общего права. Применение растянули по отдельным ведомствам, и именно там возникли новые задержки. Некоторые учреждения требовали подтверждений, которые закон уже лишил смысла. Комиссия публиковала перечни отменённых требований, чтобы заявитель мог принести служащему не только просьбу, но и нужную страницу.

Левин получил новый документ без прежней ссылки на ремесленное исключение. Павел ожидал, что мастер обрадуется заметнее. Тот прочёл, проверил фамилию и убрал в конверт.

— Всё правильно?

— Теперь да.

Дома Моисей всё же велел дочери переписать текст и отправить копию родственнику, который много лет уговаривал его уехать. Рахиль сделала это вечером. Она сама давно привыкла держать несколько подтверждений своей пригодности там, где другим хватало одного диплома. На следующий день впервые подала заявление о месте без сопроводительного ходатайства. Ответа ждала шесть недель.

Вера Белова в это время работала в группе, связанной с авиационными расчётами. Её жалование зависело от того, какую работу считали самостоятельной. Начальник признавал качество вычислений и продолжал подписывать их чужой фамилией, объясняя, что заказчик хочет видеть ответственного специалиста. Она попросила определить требования к такому специалисту письменно. В требованиях оказались знания, которыми она обладала, опыт, который частично уже имела, и право подписи, которого не получила именно потому, что прежде не подписывала.

Отец предлагал поговорить с нужным человеком. Вера отказалась, затем согласилась на знакомство, но попросила не представлять её случай как исключительный талант. Ей нужен был порядок допуска, который не исчезнет, если проверяющему не понравится характер следующей женщины.

Сикорский выслушал её без обещаний. Предложил работу в расчётной группе и испытание по общим заданиям. Вера потом сердилась, что обрадовалась этому как подарку. Экзамен занял два дня. В одном месте она выбрала слишком грубое приближение; ей вернули лист, и пришлось переделывать. Третье решение приняли.

Авиационное предприятие Сикорского переживало трудный переход от отдельных больших машин к устойчивой гражданской программе. Русские заказчики хотели дальних линий, почта — надёжности, военные — сохранения возможности быстро приспособить производство к собственным требованиям. Деньги приходили по разным договорам и часто предполагали несовместимые сроки. Зарубежное предложение сулило лучшее оборудование и более понятный рынок. Вокруг конструктора заговорили, что отъезд будет изменой национальному делу.

Белов услышал это на совещании и неожиданно резко возразил. Он знал, как выглядит национальное дело в день задержанной выплаты.

Сикорский попросил не обсуждать его чувства. Нужны были условия: многолетний заказ с правом пересмотра конструкции после испытаний, доля средств на опытные работы и возможность приглашать специалистов без личных разрешений на каждый случай. Государство хотело взамен контроля стоимости и доступа к результатам, оплаченным казной. Договор согласовывали почти полгода.

Часть условий отвергли. Часть приняли в иной форме. Сикорский решил продолжить работу в России, сохранив зарубежные связи. Вера запомнила не торжественный обед после подписания, а утро, когда в мастерскую привезли станок, которого они ждали несколько месяцев. Разговор о будущем наконец обрёл вес, место на полу и требование подготовить фундамент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.